

Дубов Николай Иванович

Огни на реке

ДУБОВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ

Огни на реке

ОТЪЕЗД

Костю провожают мама и Лелька.

Мама - это он еще понимает. А вот Лелька? Мама хотела оставить ее дома, но она подняла такой рев, что пришлось взять с собой. Конечно, ей интересно посмотреть на пристань и пароход, а не провожать Костю. Очень нужно ему, чтобы его провожали, да еще такие, как Лелька! Другое дело если бы ребята, и особенно боевой, верный друг Федор. Но друга Федора нет, он еще вчера уехал с отцом в Остер, на рыбалку. Они ездят туда каждую субботу. Костя сколько раз просился вместе с ними, обещая привезти целое ведро рыбы, но мама не пускает и говорит, что рыбу можно купить на базаре. Просто она боится, что Костя утонет. А почему он обязательно должен тонуть? В пятом "Б" он плавает лучше всех.

Теперь у дяди он половит рыбку! Вот только удилица пришлось оставить дома. Мама и слушать не захотела:

- Нет уж, пожалуйста! Никаких палок в троллейбус... Я и так с ног сбилась.

Палок! Лучше Костиных удилиц ни у кого нет. Даже у Федора. Настоящие бамбуковые. Неизвестно еще, есть ли такие у дяди. И вовсе она не сбилась с ног. Ходит дай бог всякому - Костя еле поспевает и должен делать большие шаги, чтобы не отстать.

- Костя, не вышагивай, как журавль! Что за баловство?

Последние дни ей невозможно угодить - всё не так, всё не по ней. Сама говорит, что с этой командировкой она прямо голову потеряла. Лелька не поняла и удивилась:

- Как же ты, мама, потеряла, если она тут?

- Ты еще маленькая, не понимаешь, - засмеялся Костя.

Костя большой, и он понимает.

Ого, поехать в Каховку! Тут можно потерять голову, даже если едешь не насовсем, а в командировку. Шутка ли - увидеть трассу и место, где будет плотина, и геологов, как они бурят всякие скважины! Но мама волнуется не из-за этого, а из-за пустяков: как оставить Лельку и Костю, что делать с комнатой, почему дядя не приехал и как теперь быть?

Костя предложил самое разумное: ехать всем вместе, с комнатой ничего не сделается, пока они путешествуют. Но мама рассердилась и сказала, чтобы он не выдумывал. Это не путешествие, а деловая командировка, и детям там нечего делать. Вообще, если бы он был положительным человеком, она оставила бы его и Лелю у Марьи Афанасьевны и спокойно уехала. Но он совсем отбил от рук - это ужасно, когда дети растут без отца! - никого не слушается и, конечно, не будет слушаться Марьи Афанасьевны. А раз так, она оставит Лелю,

а его отправит в Полянскую Греблю, к дяде, и тот приберет Костю к рукам.

Ну и очень хорошо! В прошлом году он уже оставался у Марьи Афанасьевны, и с него хватит. "Костя, не горбись!", "Костя, не таращи глаза!", "Почему ты не вымыл руки перед обедом?", "Разве можно так отвечать? Какой невоспитанный мальчик!", "У тебя болит животик?", "Дай лобик, я пощупаю"... Животик, лобик, рубашечка... Костя презирает эти телячьи нежности, его прямо тошнит от них, и он начинает озорничать, даже когда ему не хочется.

А с дядей они, конечно, поладят.

И нечего маме волноваться: он отлично доедет. Что из того, что дядя не приехал? Он же на работе. И телеграмма ведь прибыла, что он будет встречать. Значит, всё в порядке.

Но мама не может не волноваться. Она начала волноваться, едва узнала о командировке, и с тех пор только и делает, что волнуется. Как он доедет? Как будет жить? Что ему дать в дорогу?

А что ему нужно в дорогу? По-боевому, по-походному: трусы и рубашку. Вместо этого мама упаковала полный саквояж да еще набила авоську всякой едой, словно он едет на необитаемый остров. Теперь ей кажется, что непременно что-то забыли, оставили дома, и, раскрыв на коленях саквояж, она начинает все перебирать и говорить Косте, где что лежит.

Костя не слушает. В открытое окно троллейбуса врывается ветер, треплет Лелькины волосы и пузырем надувает Костину рубашку. Уже проехали зоосад, убежала назад ограда Политехнического; презрительно шипя шинами на остающиеся сзади трамваи, троллейбус мчится по Брест-Литовскому шоссе.

- Леля, не крутись на сиденье!.. Так смотри, Костя: здесь рубашки, вот теплая куртка, вот носовые платки...

- Ладно, - не оборачиваясь, отзывается Костя. - Мы прямо до конца, мама?

- С какой стати? Пересядем на трамвай, а потом спустимся фуникулером. И не спорь, пожалуйста, мы и так опаздываем! - говорит мама, хотя Костя и не думает спорить.

Конечно, не штука и опоздать, если увязалась Лелька и ее нужно было переодевать, причесывать и навешивать всякие банты. Вон на голове - как пропеллер.

Отсчитывая пассажиров, щелкает турникет у входа в фуникулер. Вагончик полупустой. Костя садится у окна, но Лелька требует это место для себя, вертит головой во все стороны, чтобы увидеть все сразу - и Днепр, и ползущий снизу вагончик, и толстую черную, блестящую от масла змею троса. Ей жутко смотреть вниз, на землю, и она повизгивает от страха, но тихонько, чтобы мама не забрала ее от окна.

Вагончик, поднимающийся снизу, равняется с ними, потом уползает вверх и становится маленьким, как игрушечный. А черные, тоже все в масле, колеса, по которым бежал трос, все еще крутятся и крутятся, будто торопятся за ним вдогонку.

Смотреть вниз и правда немного жутко. К подножию крутого косогора сбегает сверкающие рельсы, а вокруг вздымаются высоченные деревья. Их вершины тянутся к вагончику, и, если не смотреть на землю, кажется, что он не катится по рельсам, а плывет между деревьями по воздуху, еще немножко и он оборвет трос, перемахнет через нижнюю станцию, дома Подола¹, да так и понесется поверху через Днепр к синему вдалеке лесу.

1 Район города Киева.

Однако трос не обрывается, вагончик никуда не плывет, а плавно останавливается у ступенек. Костя, мама и Лелька торопливо бегут по ним, потом по гулкому бетонному коридору, пересекают душную улицу, и вот наконец пристань.

За деревянным зданием вокзала раздается густой хриплый рев. Лелька испуганно вздрагивает и обеими руками хватается за Костю.

Костя тоже начинает беспокоиться, ему кажется, что они идут слишком медленно и обязательно опоздают.

Они проходят через здание речного вокзала, спускаются по лестнице к пристани - большой барже, на которой высится постройка вроде дома. Из-за этой постройки совсем не видно парохода - торчит одна толстая черная труба с красной каемкой да мачта с фонарями, подвешенными один над другим. Впритык к барже стоит пароход. Между ними совсем не видно воды, и можно даже не прыгать, а шагнуть прямо с причала на пароход, но дорогу преграждает толстый брус. Остается лишь узкий проход на сходни огражденные перилами две доски с прибитыми поперек планками

У сходни стоят два моряка. Костя знает, что они не моряки, а водники моряки бывают на море, а не на реке, - но они совсем как моряки: в синих кителях с блестящими пуговицами и белых фуражках. На фуражках у них "крабы" - золотые якоря, окруженные золотыми листиками. Водники так беззаботно разговаривают и смеются, что Костя ужасается своей торопливости и начинает шагать нарочито медленно, вразвалку, так что матери приходится дернуть его за рукав:

- Костя, не спи, пожалуйста!.. Где я могу найти капитана? - спрашивает она у водников.

- Капитана сейчас нет, - отвечает один из них, наблюдающий за чем-то происходящим в коридоре парохода.

- Как же быть? Что же теперь делать? - теряется мама.

Второй оглядывается на маму, и лицо его светлеет.

Костя знает, что мама красивая, он и сам любит смотреть на нее конечно, не тогда, когда она сердится и ругает за что-нибудь. Но этот молодой водник с лейтенантскими погонами и такими же белобрысыми, как у Федора, волосами что-то уж очень долго смотрит и улыбается. Это Косте не нравится, и он хмурится.

- А в чем дело, гражданка? - спрашивает белокурый лейтенант.

- Брат мне писал, что надо с капитаном, а его нет... Как же теперь быть? Может, у него есть заместитель?

- Старший помощник занят. Я - второй помощник. Да вы скажите, в чем дело.

Мама сбивчиво объясняет, что вот ей надо отправить сына к брату, бакенщику, в Полянскую Греблю, там брат встретит, а она боится отпускать мальчика одного, ведь там даже нет пристани, но у нее безвыходное положение, ей нужно ехать в срочную командировку, она хотела просить капитана, а его нет...

Лейтенант давно все понял, а мама говорит и говорит, и он не перебивает, потому что ему просто приятно смотреть на нее и слушать. Костя видит это и мрачнеет еще больше.

- Понятно, - говорит наконец лейтенант. - Где же ваш сын? Вот этот сердитый товарищ? А я думал, это брат. Совсем взрослый мужчина!

Костя не поддается на эту грубую лесть и продолжает хмуриться.

- Не беспокойтесь, гражданка, будет полный порядок. Доставим в целости и сохранности. А Ефима Кондратьевича Кичеева я знаю - как же, лучший бакенщик! Сын ваш отлично доедет, выспится, а по дороге мы из него водника сделаем... Проходите, пожалуйста, устраивайте мальчика - времени еще много. Сейчас я вызову проводницу.

Насупленный Костя ступает на сходни, а следом, держа Лельку за руку, идет мама.

- Тетя Паша! - кричит лейтенант. - Проводи пассажира в каюту.

Откуда-то из коридора появляется высокая, худая женщина с длинным носом и тонкими, сжатыми губами. Они сжаты так плотно, что Косте кажется, будто она говорит, не открывая рта.

Тетя Паша делает несколько шагов по коридору, поворачивает налево и вдруг словно проваливается вниз.

- Боже, что за лестница! - ужасается мама.

- Это не лестница, мама, это трап, - говорит Костя.

- Ну, ты все знаешь, известный моряк... Смотри не стукнись!

Когда это он стукнулся? Костя пропускает их вперед, а потом лихо, по-моряцки, бежит вниз. Однако трап такой крутой, ступеньки поставлены так тесно, а железные порожки на них такие скользкие, что он едва не летит кувырком и хватается за спасительные поручни. Мама оборачивается на подозрительный шум, но Костя уже восстановил равновесие и чинно шагает со ступеньки на ступеньку.

- Вот каюта, - не разжимая губ, говорит тетя Паша, - устраивайтесь, и уходит.

Каюта маленькая - здесь всего две койки, у двери шкаф, а между койками узкий столик. Вернее, койка одна, вторую заменяет узкий жесткий топчанчик, обитый клеенкой. Зато над столиком, почти у самого потолка, настоящий иллюминатор - круглое окошечко, прижатое к борту медными барашками.

Костя сразу же взбирается на стол и начинает откручивать барашки.

- Костя, не смей! Слышишь? И вообще - или ты обещаешь, что не будешь открывать окно, или мы сейчас же идем на берег, и ты никуда не поедешь!

Костя слезает со стола: все равно пока в иллюминатор ничего не видно, кроме просмоленного борта баржи, а в дороге он сориентируется...

Лелька бродит по каюте и ощупывает стол, койку, пробковые спасательные пояса, а мама опять повторяет наставления: слушаться дядю, без взрослых не купаться - боже упаси! - и не хватать сразу, как маленький, сладкие пирожки, а сначала есть вареное мясо и яйца вкрутую, потом сладкое; по пароходу не бегать, к краю не подходить и в воду не смотреть, а то закружится голова, - словом, все, что в таких случаях говорят мамы и от чего Косте становится невыносимо скучно.

Костя пробует разговаривать, как тетя Паша, не разжимая губ, но мама пугается.

- Почему ты мычишь? У тебя болят зубы?

Костя тоже пугается - как бы из-за этого его не оставили дома! - и начинает говорить

нормально, как все люди, а не как тетя Паша.

Времени действительно оказывается много, и Костя томится той неопределенностью, мучительным междувременьем, когда уже попрощались, все сделано и сказано и нужно только ждать настоящего расставания. Мама еще что-то такое говорит и, не отрываясь, смотрит на Костю. Большие карие глаза ее делаются тревожными и жалостливыми. Лелька тоже притихла и подозрительно пыхтит - значит, сейчас задаст реву. От всего этого Косте становится так беспокоенно, что впору заплакать самому, но тут наверху опять густо и хрипло ревет гудок; Лелька бросается к маме в колени, мама спохватывается: им пора уходить. Они выходят в узкий коридорчик. По сходням торопливо бегут опоздавшие пассажиры, толкают их мешками и корзинами, но мама ничего не замечает. Она опять тревожно и жалостливо смотрит на Костю, потом крепко целует его несколько раз и торопливо повторяет:

- Смотри же, Костик, будь умным. И пожалуйста, ничего не выдумывай!..

Лелька тоже тянется целоваться. Костя старается незаметно отпихнуть ее, но мама замечает:

- Как тебе не стыдно, Костя! Фу, какой ты грубый! Поцелуй сестру!

А Костя вовсе не грубый, он просто терпеть не может всяких нежностей. Однако теперь ничего не поделаешь. Костя покорно нагибается и подставляет щеку. Ну конечно! Лелька, как только вышли из дому, выклянчила мороженое, и теперь лицо и руки у нее липкие, как тянучка. И кто это вообще выдумал целоваться!

Мама и Лелька сходят на пристань и становятся у перил.

Костя хочет подойти поближе, но его отталкивают:

- Сюда нельзя, мальчик, сейчас отчаливаем!

Костя еще раньше заметил ведущий наверх трап, в люк которого заглядывает голубое небо. Он взбирается по трапу и оказывается на верхней палубе.

Посреди палубы, перед высокой черной трубой, - застекленная будка, и там виднеется рулевое колесо - штурвал. С обеих сторон, по краям палубы, стеклянные будочки поменьше, и там сверкают начищенные медные трубы. "Переговорные", - догадывается Костя. Значит, он на капитанском мостике. А не турнут его отсюда? Нет, не похоже. На носу и на корме стоят деревянные скамейки, как в саду, и даже столики, будто это не палуба, а закусочная. На скамейках сидят пассажиры, и никто их не туряет. Значит, это такой пароход, где капитанский мостик и палуба вместе.

Вокруг всей палубы идут поручни из двух железных прутьев. Костя подходит к поручням, берется за них и широко, по-моряцки, расставляет ноги. Эх, если бы видел пятый "Б" или хотя бы боевой друг Федор, как Костя стоит на капитанском мостике! Ну, не совсем на мостике - на палубе, но мостик-то вот он, рядом!..

Но пятого "Б" нет, нет и друга Федора. Внизу, на пристани, стоит мама, и встревоженные большие глаза ее ищут Костю. Лелька первая замечает, его и кричит:

- Вон он! Вон он!

Мама тоже находит его глазами, улыбается, что-то хочет крикнуть, но в это время звонит колокол, Костю обдает брызгами, и за его спиной трижды оглушительно ревет. Люди на пристани что-то говорят или кричат, но из-за этого рева ничего не слышно, и кажется, что они, как рыбы, беззвучно открывают рты.

- Отдать носовую!

Это командует белокурый второй помощник. Он стоит в левой стеклянной будочке и что-то говорит в раструб сверкающей медной трубки, а потом затыкает его пробкой на цепочке.

Палуба, железный прут поручней начинают мелко дрожать. На нижней палубе, прямо под Костей, с железных тумб сматывают трос; он провисает, и тогда другой конец его, заканчивающийся петлей, снимают с тумбы на пристани и бросают в воду. Узкая полоска воды между пароходом и пристанью ширится. Эх! Столько надо увидеть - и нельзя: мама стоит у перил, не сводит с Кости глаз, и, значит, уйти никак не возможно. Обижать ее Косте не хочется. Вон улыбается, а по щекам текут слезы, и она вытирает их кончиками пальцев.

И чего плакать, спрашивается? Что он, на год, вокруг света едет, что ли? Однако внутри у Кости что-то ёкает. Все-таки они никогда не разлучались. Раньше Костя ездил только по железной дороге - и то вместе с мамой, и он был тогда такой маленький, что уже плохо помнит ту поездку.

Чтобы окончательно не разжалобиться, Костя свирепо морщит лоб, еще крепче сжимает поручни и не обращает внимания на Лельку, машущую рукой. Она начала махать, как только увидела Костю на палубе, и с тех пор непрерывно машет, но Костя не отвечает; она топает ногами и обиженно кричит:

- Костя! Ну Костя же!

Мама тоже поднимает руку и машет платочком.

Нос парохода отваливает от пристани, пристань уплывает влево, назад, люди становятся меньше, и теперь похоже, что там стоят не мама и Лелька, а две девочки - одна большая, другая совсем маленькая. Костя машет им в ответ, пока может различать их фигуры, потом опускает руку. Теперь они, наверно, поднимутся на горку и долго будут смотреть на пароход, увозящий Костю.

"АШХАБАД"

Пароход разворачивается носом по течению и, зачем-то протрубив еще раз, ходко бежит мимо Владимирской горки, переправы на пляж и Труханова острова. До самой воды остров зарос фанерными грибками и киосками, а настоящая зелень отступила подальше от берега, оставив его под жестоким солнечным накалом.

Навстречу пароходу, вздымая седые пенные "усы", мчится скутер. Костя провожает сидящих в нем людей завистливым взглядом и начинает обстоятельно знакомиться с пароходом.

У самых краев палубы, перед стеклянными будочками, справа и слева стоят укрытые брезентом шлюпки. И на носу каждой написано "Ашхабад". Только на одной шлюпке "д" почему-то размазано, и получается просто: "Ашхаба". Возле стенок будочек уставлены в ряд пустые белые ведра. На каждом синей краской нарисована только одна буква, но ведра стоят так, что опять-таки получается название парохода - "Ашхабад". Это слово написано и на спасательных кругах, подвешенных к поручням, и на колесных кожухах. Палуба совсем настоящая - деревянная, из узких, длинных дощечек, пазы между ними проконопачены и залиты смолой.

Костя принимается считать, сколько дощечек уложено поперек палубы, но мачта вдруг начинает отклоняться назад, пока не ложится почти совсем горизонтально: "Ашхабад" приближается к мосту, и мачту опускают, чтобы не зацепить мост.

Пароход густо и внушительно гудит. Теперь Костя видит, что гудок медная дудка с двумя

полукруглыми дырами - укреплен сзади трубы. Оттуда сначала вырываются брызги, пар, а потом уже начинается басистое гуденье.

"Ашхабад" проходит между быками пешеходного моста, почти у самого левого берега. Костя пытается рассмотреть через настил бегущие поверху машины и автобусы, но там, кроме переплетения бревен и балок, ничего не видно. На самом верху быка один над другим висят фонари, к ним из воды отвесно поднимаются скобы - ступеньки. Костя прикидывает, легко ли туда взобраться, и решает, что Федор, конечно, заберется, и он, Костя, хотя высоко и страшновато, залезет тоже. Ничего особенного.

Позади остаются заросшие кручи правого берега, уткнувшаяся в небо колокольня Лавры, железнодорожный мост. Берега отступают, словно приседают, и укутываются мелкой порослью лозняка. Немногочисленные пассажиры на палубе подставляют ветру спины, устраиваются на корме за трубой, где из машинных люков идет теплый воздух, пахнущий нагретым маслом.

Если заглянуть в люк - там видны вентили, трубы в толстых коричневых обмотках, словно в компрессах, и блестящие рычаги, которые снуют взад-вперед, как локти. На одной из труб сохнет тельняшка, на другой черные брюки.

Костя спускается вниз - получше рассмотреть машину. Здесь палуба железная и вся утыкана пупырышками, чтобы ноги не скользили. Но железо это так отшлифовано башмаками и сапогами, что пупырышки мало помогают, и оно все равно скользкое. Костя находит трап в машинное отделение, но только заносит ногу через высокий железный порог, как его окликают:

- Ты зачем? Туда ходить нельзя!

Костя поворачивается и идет в салон на корме. Здесь пассажиров мало, они сидят порознь и молчат. Только три тетки, зажав между ног корзины и мешки, склонились друг к другу и, как заводные, кивают головами четвертой, которая что-то негромко и горячо рассказывает. Костя, как бы нечаянно, проходит мимо - а вдруг что-нибудь интересное!

- Прихожу я - и что же вы думаете, милаи? - трагически говорит рассказчица. - Телушка-то не поёна!..

Все ясно. Телушки Костю не интересуют.

Поодаль, у окна, сидит женщина с усталым липом. Возле нее и под жестким диванчиком сложены узлы, мешки, деревянные чемоданы с большими висячими замками. Женщину разморила жара и усталость, она то и дело клонится вправо, к большому узлу, приткнувшись к которому спит девочка лет четырнадцати. Другая девочка, поменьше, с мелкими русыми кудряшками на лбу, бродит по салону, потом забирается с ногами на диванчик и смотрит на убегающие назад пологие зеленые берега. Ей, видно, тоже хочется спать - она широко, всласть зевает.

- Проглотишь! - говорит Костя и тоже взбирается на диванчик рядом. Ты что, не выспалась?

- Ага. Мы всё едем и едем, и никак не выспишься...

- Да ведь пароход недавно отошел.

- А мы дальние. Мы с Сахалина едем. Три недели уже.

- С Сахалина? - переспрашивает Костя, жадно и недоверчиво оглядывая девочку.

Он заговорил с ней от скуки - что за компания какая-то девчонка! - но теперь она кажется ему

необыкновенной, и даже выгоревшие мелкие цветочки на ситцевом застиранном платье - удивительными.

- Врешь небось?

- А с чего бы я врала? - равнодушно отвечает девочка. - Вон хоть у мамы спроси.

Костя оглядывается на женщину с усталым лицом, но та уже совсем склонилась на узел и сладко спит.

- А что вы там делали?

- Известно что - жили. Папа на рыбзаводе работал - там и жили, в поселке.

- И ты океан видела, Великий или Тихий?

- Ну да, мы ж на берегу жили.

- И по морю на пароходе плавала?

- А как же! Иначе до Сахалина не доберешься. Можно еще на самолете, так у нас вещей много.

Девочка говорит спокойно и равнодушно, а Костю разбирают зависть и восторженное любопытство. Он не понимает, как можно говорить об этом хладнокровно. Да если бы он побывал на Сахалине, на берегу океана!.. Ему хочется узнать сразу все обо всем, но девочка по-прежнему отвечает вяло и скучно.

- Эх, ты! - укоризненно говорит Костя. - Что ты как вареная? Столько видела, а рассказать не можешь!

- Это я спать хочу. Вот приедем, выплюсь, тогда...

- А вы куда едете?

- Сейчас к бабушке, в Черкассы, а потом - в Каховку.

- В Каховку? - Любопытство и зависть Кости разгораются еще больше. Зачем?

- Папа на строительстве устроиться хочет.

- А ты?

- А что ж я? Я учиться буду. Папа хотел раньше ехать, а потом решил подождать, когда у меня и Сони уроки кончатся. Как кончились, мы и поехали.

- А где ж твой отец-то?

- В буфете. Он давно уж пошел. Пиво, наверное, пьет.

- Пойдем, покажи.

- Да, а если оттуда прогонят?

- Не прогонят!

По гулкой железной палубе они проходят в носовое помещение, где расположен буфет. За четырехугольным столом против буфетной стойки сидят трое: полный лысый человек в очках, смуглый юноша и худощавый, с загорелым, словно обожженным, лицом мужчина в бумажной

фуфайке, заправленной в брюки. Перед ними стоят кружки с пивом, над которыми пузырятся белоснежные пенные шапки.

- Ты что, за мной пришла? Соскучилась? - замечает девочку мужчина в фуфайке. - Сейчас пойдем!

Он погружает свои светлые, как пиво, усы в пену, потом отставляет кружку, вытирает усы и обращается к собеседникам:

- Я ведь сам родом-то оттуда, из Алёшков... Как же я мог на месте усидеть, когда на моей родине такое началось? Уж теперь-то мы нашу землю образуем! - Он стучает по столу кулаком так, что кружки подпрыгивают, одним глотком допивает оставшееся пиво, поднимается, и только теперь становится видно, какой это большой и сильный человек. - Пошли, Настя!

Сахалинцы уходят. Юноша пьет пиво, а толстый мужчина, потирая лысину, смотрит вслед ушедшим и говорит:

- Вон как - за двенадцать тысяч верст человек прискакал!..

- А как же? - отвечает юноша. - Я вот, как курсы кончу, тоже туда поеду.

Они умолкают.

Костя ожидает продолжения разговора, но лысый уходит, а юноша углубляется в книгу.

Через некоторое время Костя опять идет в кормовой салон, где расположились сахалинцы. Однако Настя уже спит, положив голову на колени матери; спит и отец, вытянувшись на узком диванчике во весь свой огромный рост.

Не спит только старшая сестра Насти - сторожит вещи. Костя пробует с ней заговорить, но она, опасливо моргая подпухшими веками, косится на него и молчит. Как все-таки несправедливо бывает в жизни, думает Костя: вот такую сонную клушу везут в Каховку, а он не может туда попасть!..

Однако делать здесь нечего, и Костя уходит в буфет. Там большие окна, из них видно все вперед и по сторонам, а дверь ведет на нос, где на барабан намотана якорная цепь и торчат какие-то рычаги. Костя открывает дверь и выходит туда, но его догоняет возглас:

- Мальчик, не ходи на нос! Ты же видишь, что на двери написано.

Он ничего не собирался делать, а только хотел посмотреть якорь и как бегут волны от носа. Нет уж, если здесь все запрещается, лучше сидеть в каюте!

У трапа кто-то берет его за плечо:

- Ну, герой, нравится тебе у нас?

Перед Костей стоит тот самый лейтенант, помощник капитана, и улыбается. Костя разозлен своими неудачами, улыбка лейтенанта злит его еще больше, и после секундного колебания он сердито буркает?

- Нет!

- Ну? Почему?

- Что это за пароход такой, что ни пойти, ни посмотреть!..

- Ясно. Тебе хочется и машиной поуправлять, и штурвал покрутить, и неплохо было бы в мегафон крикнуть: "Лево на борт!" или еще что-нибудь в этом роде. А?

- Ничего подобного! Просто я хотел посмотреть.

- Ага. Ну, пойдём посмотрим. Что здесь в духоте сидеть!.. Вот, говорит помощник, - после машины самое главное дело на пароходе - руль. Руль там, внизу, под кормой, к нему идут штуртросы от этого штурвала. Рулевой поворачивает штурвал - поворачивается и руль...

- Что, товарищ помощник, новая кадра? - улыбаясь, спрашивает рулевой.

- Все может быть. Глядишь, и нас сменил.

- А что ж? Свободная вещь.

- Где же нактоуз? - спрашивает Костя.

Штурвал стоит у самого окошка, и перед ним нет компаса, а он всегда бывает на судах, о которых Костя читал.

- Видал? Подкованный товарищ! - смеется помощник. - Компас нам не нужен. Мы ведь не по морю - по Днепру ходим, и здесь берега и все обстановочные знаки перед глазами.

- А карты?

- Карта тут, - стучит себя по лбу рулевой.

Лицо Кости выражает недоумение, и помощник поясняет:

- Мы реку наизусть должны знать - снизу вверх и сверху вниз, вдоль и поперек.

- Тут, пока на карту глядишь, так в берег и врежешь, - говорит рулевой. - Мы и без карты не заблудимся...

- Одерживай! - прерывает его помощник, но рулевой и сам уже поворачивает штурвал, и поворотное движение парохода замедляется. - Что-то мне не нравится этот перекал: раньше времени обнаруживается.

- Да нет, нормально. Вода быстро спадает, вот он и лезет вверх, говорит рулевой.

- Ну, что тебе еще показать? Переговорную трубу? Через нее мы передаем команду в машинное отделение - какой держать ход.

- А можно... - начинает и не оканчивает Костя.

- Нет, зря болтать нельзя.

- Я только послушать.

- Это - пожалуйста.

Помощник вынимает пробку, Костя прижимается ухом к раструбу. По трубе доносится смутный, неясный шум и учащенное сопенье, словно кто-то громко дышит Косте в самое ухо.

- А почему это мы плывем-плывем, а на берегах ничего нет - ни городов, ни сел?

- Есть, только редко - где высокие места. Видишь, берега какие низкие. Весной, в полоую воду, Днепр их все заливают. Он на километры, брат, разливается. Если бы тут сёла были, их бы

тоже заливало. А сёла подальше, на взгорьях, стоят, чтобы их вода не доставала. Вот потому и кажется, что берега пустынные.

Помощник обходит вместе с Костей всю палубу, показывает фонари бортовых огней - зеленый справа и красный слева, - раструбы вентиляторов, такие широкие, что Костя свободно может в них пролезть. Белые снаружи и красные внутри, они похожи на огромные раскрытые рты.

- А почему там, внизу, пол железный?

- Осталось от старого. Раньше наш пароход был буксиром, потом его переделали в пассажирский - сделали надстройку, каюты... А палуба осталась, как была...

Белокурого помощника окликают.

- Сейчас, - отзывается он. - Ну, вот что, друг: как тебя звать? Костя? Гуляй, Костя, сам, меня зовут. Но смотри, к борту не подходить! Раз я твоей маме обещал - я отвечаю. Понятно?

- Есть к борту не подходить! - отчеканивает Костя.

- О! Совсем моряк! Нет, из тебя определенно будет толк! - смеется помощник и сбегает по трапу вниз.

В общем, он оказывается ничего, подходящий парень, этот помощник. А если все время улыбается, так что здесь такого? Просто он молодой, веселый, ему все нравится.

Костя долго смотрит на бегущую за бортом вспененную воду; в причудливых водоворотах ее мелькают воображаемые картины, одна заманчивее другой. А когда он поднимает голову, далеко впереди, у самого горизонта, клубится розовый дым, словно облака на рассвете.

Облака растут, поднимаются выше и мало-помалу желтеют. На них появляются тени, они зеленеют, и скоро Костя догадывается, что это не дым и не облака, а высокий крутой берег, поросший редкой зеленью. Сначала кажется, что пароход удаляется от него, потом река резко поворачивает вправо, и кручи стремительно растут, заслоняют полнеба. Справа по ним карабкаются вверх редкие хаты. На берегу, у подножия крутого косогора, приткнулась кургузая баржа - пристань. Пароход подваливает к барже. Там у перил толпятся девочки, а над ними, поминутно оглядываясь, как наседка, возвышается фигура учительницы или пионервожатой.

- Что это? - спрашивает Костя у старичка, сидящего на палубе.

- Триполье.

- То самое?

- Какое то самое? Триполье - одно, другого нету.

Костя кубарем слетает по трапу к сходням. Их уже установили, и по ним гуськом торопливо и осторожно идут школьницы, а учительница стоит у перил и, приподняв руку и шевеля губами, пересчитывает девочек.

- А ну, Костя, проводи их на палубу! - окликает его знакомый помощник.

- Нет-нет, в каюту! - кричит учительница.

- В каюту так в каюту! - соглашается помощник. - В кормовой салон.

Косте хочется сойти на берег, но отказать помощнику нельзя. Он идет в кормовой салон, а за

ним, шушукаясь, табунком идут девочки. Следом появляется учительница; школьницы окружают ее, рассматривают салон, охают, ойкают и поднимают такой галдеж, что Костя сейчас же уходит. Однако на берег сойти не удастся. Уже звонит колокол, пароход гудит и отваливает от пристани. Из-под колесного кожуха со свистом и шипеньем вырывается пар, окутывает пристань, еще и еще - пароход будто громко отдувается, набираясь в дорогу сил.

Взобравшись на верхнюю палубу, Костя со стесненным сердцем жадно смотрит на обрывы. Крутые косогоры пусты и безлюдны. На полугоре, там, где на глинистой почве торчат редкие пучки травы, бродит белая коза. Она щиплет траву, потом поднимает голову, жуя, смотрит на пароход и опять принимается щипать.

Триполье! Место гибели и бессмертной славы киевских комсомольцев! Совсем недавно, перед концом учебного года, пионервожатая рассказывала о Трипольской трагедии, о том, как в 1919 году комсомольский отряд выступил из Киева на борьбу с кулацкой бандой "зеленых", как пришли они в Триполье и погибли здесь в неравном бою. Вот, может быть, с этой самой кручи Люба Аронова, Миша Ратманский в последний раз смотрели на Днепр, на безбрежные приднепровские дали, посылая прощальный привет родине...

Костя ищет взглядом памятник, однако ничего похожего на памятник на берегу нет. Косте жаль, что его нет - большого красивого памятника, такого, чтобы он был замечен отовсюду и чтобы, завидев его, пароходы давали длинный печальный гудок, а пассажиры, стоя в строгом молчании, смотрели на него и с благодарностью думали о людях, отдавших жизнь за родную советскую власть, за коммунизм...

Памятника отсюда не видно, пароход не дает гудков, а торопливо и деловито шлепает плицами по воде. Старичок, сидящий на палубной скамейке, сосредоточенно сдирает кожу с копчушки.

Костя становится "смирно", отдает пионерский салют и долго смотрит на уплывающие вдаль трипольские кручи.

Солнце спускается ниже, ветер усиливается, и Костя идет в каюту за курткой. На обратном пути он заглядывает в кормовой салон. Школьницы отгородили там диванчиками угол, кое-кто уже улегся, подложив под голову узелок, остальные слушают учительницу.

Две девочки вышли из салона и стоят, оглядываясь, возле двери в коридоре. Одна из них, повыше и, должно быть, похрабрее, спрашивает у Кости:

- А наверх можно?

- Можно, - разрешает Костя. - Пойдемте, я покажу.

Он лихо, не держась за поручни, поднимается по трапу, а следом, топоча большими ботинками на тонких, голенастых ногах, карабкаются девочки.

- Вы в каком классе? - спрашивает он, остановившись на палубе.

- Я в пятый перешла, - отвечает девочка повыше.

- А я в четвертый, - говорит меньшая.

- А-а!.. - пренебрежительно тянет Костя. - А куда едете?

Девочкам холодно. Они ежатся под ветром, поворачиваются к нему спиной, придерживают руками раздувающиеся платица, но не уходят и наперебой рассказывают, что едут они в Канев, на могилы Тараса Шевченко и Аркадия Гайдара, что Ольга Семеновна очень хорошая, только она все время боится, что кто-нибудь потеряется или упадет в воду, и никуда не

пускает, а они в первый раз едут на пароходе, и им все интересно.

- Если впервые, тогда конечно, - снисходительно говорит Костя. - Вот смотрите... - И он начинает им показывать и рассказывать то, что сам услышал от помощника час назад, но так, будто он родился и вырос среди этих рубок, штуртросов и трапов.

Девочки синеют от холода, кожа у них становится пупырчатой, как у оципанных гусят, но они с таким изумлением и восхищением смотрят на Костю, что он загорается еще больше и принимается рассуждать о том, что речной пароход - это ерунда на постном масле: плывешь между берегами, как по комнате ходишь, неинтересно, а вот на море - это да, там нужно идти по компасу, определяться по солнцу! И потом, здесь никаких бурь не бывает, безопасно, как в ванне, а на море - как грянет шторм, только держись...

Завороженные слушательницы проникаются к нему таким уважением, что уже не решаются говорить ему "ты".

- А вы моряк? В отпуску? - спрашивает старшая.

- Еще пока нет, - немного смешавшись, говорит Костя. - Но скоро буду... Я сейчас к дяде еду. Вот он у меня... моряк, - неожиданно для себя добавляет он.

Но тут к ним подбегает испуганная, рассерженная учительница и хватает за руки окончательно посиневших Костиных слушательниц:

- Девочки! Что это такое? Разве можно уходить без спросу?.. И посмотрите на себя, на кого вы похожи... А тебе, мальчик, стыдно! Ты старше, должен понимать...

- Я же их не звал, они сами напросились, - неловко оправдывается Костя.

Учительница не слушает его оправданий и уводит окоченевших, но довольных новым знакомством девочек.

ДОМИК НА БЕРЕГУ

Одному Косте становится скучно и тоже холодно. Идти к школьницам после такого происшествия неудобно, да и что он будет делать с девчонками? Белокурого помощника тоже нигде не видно, и Костя спускается к себе в каюту. Ему почему-то все время неловко, но он не может понять почему и решает, что просто хочет есть. Костя достает мясо, вареные яйца, пирожки с клубникой и задумывается. Колебания длятся недолго: какая разница, что сначала, а что потом? Почему обязательно первым надо есть мясо? Сначала можно съесть пирожки, а потом все остальное. Он приканчивает пирожки, отрезает кусок мяса, но есть ему больше не хочется, и все укладывается обратно в авоську.

Костя взбирается на столик и смотрит в иллюминатор. Солнце садится, глинистые уступы, песчаные отмели на левом берегу розовеют, а вода становится темнее, словно густеет и тяжелеет.

Голода больше нет, но чувство неловкости не покидает Костю. Что он такое сделал? Увел девочек? Он их не уводил, они сами увязались. Неправильно говорил про море? Все правильно. Вот - соврал про дядю! И зачем соврал? Он же сейчас не моряк, а бакенщик...

Дядю он видел всего дважды. Приезжал дядя чаще, но Костя то был в пионерском лагере, то на уроках - и так получалось, что они почти не виделись. Костя помнит гулкий голос дяди, заполнявший всю их комнату, тяжелые шаги, на которые тонким треньканьем отзывались в буфете рюмки, обвисшие густые усы, усмешливые глаза под такими же обвисшими бровями и дядин табак жесточайшей крепости.

Когда дядя закуривал, мама прикладывала руки к горлу и с ужасом спрашивала:

- Боже, как ты куришь эту отраву?

- А что, силён? - усмехался дядя. - От комаров в самый раз.

- Но ведь мы же не комары? - говорила мама и настежь распахивала оба окна.

Даже несколько дней спустя после отъезда дяди в комнате ощущался густой, резкий запах самосада. Узнав, что дядя бакенщик, Костя - тогда он учился в четвертом классе - обрадовался и принялся расспрашивать, думая, что это что-то вроде маячных сторожей на необитаемых островах, о которых он читал в книжке Жюль Верна "Маяк на краю света", но дядя посмеялся и сказал, что ничего похожего нет: маяк - это маяк, а бакен - это бакен. Просто маленькие треугольные будочки на плотках. Вечером на них надо зажигать фонарь, а утром - гасить, вот и все. Острова есть, и они все до одного необитаемые. Обитать там и нельзя: в половодье их заливают, на песчаной почве, кроме лозняка и травы, ничего не растет.

Ничего интересного там Костю не ждет, разве только накупается всласть да половит рыбу. Однако и это придется делать одному, что уж и вовсе скучно. У дяди ребят нет, есть только дочка Нюра.

Конечно, будет скучно... Так скучно, что глаза Кости сами собой закрываются, и он засыпает...

- Эй, друг! Вставай, приехали.

Кто-то трясет Костю за плечо, он вскакивает и жмурится от яркого света под потолком. Разбудил его все тот же белокурый помощник.

- Так ведь еще ночь!

- Ничего, дома отоспишься. Подходим к Полянской.

Костя забирает свой саквояж, авоську и идет за помощником на нижнюю палубу. На пароходе безлюдно и тихо, только учащенно дышит машина да гулко бьют по воде плицы колес. Вокруг парохода темно и тихо, берега не видно, не видно даже воды, только сбоку, внизу, струятся ломкие отблески зеленого бортового огня.

"Куда же это он меня?.." - растерянно думает Костя.

Пароход дает два гудка - один подлиннее, другой короткий.

- Зря гудит, - говорит помощник, - вон он уже едет, Ефим Кондратьевич.

- Где? Где? - вертит головой Костя.

- А вон, впереди.

Впереди справа мелькает желтый огонек. Он исчезает, потом появляется снова и медленно плывет наперерез "Ашхабаду". Пароход стопорит машины, замедляет ход. Огонек, показавшийся страшно далеким, вдруг оказывается совсем близко, раздваивается, и Костя различает уже фонарь на носу лодки, змеящееся отражение его, бегущее по воде, а за фонарем - большую темную фигуру, которая то наклоняется, то выпрямляется.

Лодка подходит вплотную к "Ашхабаду", человек в лодке поднимается во весь рост, и голова его оказывается на уровне палубы. Теперь Костя узнает его, несмотря на то, что в скудном

свете кажется, будто усы у него занимают пол-лица, а вместо глаз большие темные впадины.

- Здравствуй, дядя! Это я, я приехал! - говорит Костя. - Только как же мне слезть?

- А вот так, - говорит помощник.

Он берет Костю под мышки и опускает через борт вниз, там его подхватывают дядины руки и сажают на качающуюся скамейку.

- Ну как, всё в порядке?

- Всё. Спасибо, - говорит дядя.

- Не за что. Будь здоров, Ефим Кондратьевич, - отвечает помощник.

- Держись крепче! - говорит Косте дядя и сильно отталкивается от парохода.

Лодка стремительно уходит в черную пустоту. "Ашхабад" негромко и коротко, словно боясь спугнуть ночь, гудит, колесо медленно поворачивается, потом все быстрее и быстрее, пароход проходит мимо лодки, и скоро контуры его расплываются в темноте, лишь светятся окна кормовой каюты. Но вот исчезают и они, и остаются только еле различимые волны, покачивающие лодку.

- Ну, как там дома? Как мама? - спрашивает дядя, гася фонарь и берясь за весла.

- Всё в порядке. Мама едет в командировку.

Дядя спрашивает еще и еще, но Костя отвечает вяло и невпопад.

- Да ты, брат, спать хочешь?

- Нет, почему?.. - неуверенно протестует Костя.

Спать он все-таки хочет. Предутренняя свежесть пробивается даже через курточку, а уж через легкие брюки и подавно. Особенно достается Костиным коленкам, как их ни сжимай и ни прикрывай руками.

Потом Костю занимает вопрос: как без компаса дядя находит дорогу, знает, куда грести в этой темноте?

А дядя даже не оглядывается и сильными толчками гонит лодку вперед. Когда весла выходят из воды, слышно, как торопливо и вкрадчиво плещут о борта мелкие волны.

Темнота впереди сгущается, растет и наплывает на них.

- Держись! - опять предупреждает дядя.

Костя хватается за борта, но все-таки кланяется вперед и едва не стучается подбородком о свои колени - так сильно и внезапно лодка въезжает носом на берег.

- Приехали! Забирай свое имущество.

Костя вылезает из лодки, дядя вытаскивает ее на берег чуть не до половины, затем они по обрыву карабкаются наверх и входят в маленький домик. Там темно и тихо.

Дядя зажигает фонарь и показывает Косте постель. Он кое-как раздевается, откидывает одеяло и уже не слышит, как дядя укрывает его, что-то приговаривая, потом берет фонарь и уходит...

Костю будит высокий и пронзительный звук. Через открытое настежь окно на только что вымытый, подсыхающий пол падает солнечный луч. Дверь распахнута, через нее видно далекое чистое небо. Странный звук не утихает, к нему примешиваются какие-то вздохи и всхлипывания. Костя оглядывается и видит, что у стола, спиной к нему, стоит девочка. Светлые рыжеватые волосы ее заплетены в две косы, связанные красным бантиком. "Конопатая, - решает про себя Костя. - Рыжие, они всегда в веснушках".

Плечи девочки опускаются и поднимаются, высокий и пронзительный, как причитанье, звук идет от нее.

- Ты чего реवेशь? - спрашивает Костя, приподнимаясь на локте.

Девочка стремительно оборачивается. На лице ее нет ни одной веснушки, у нее белые мелкие зубы и ясные голубые глаза.

- Я не реву, я пою. Я мешу тесто и пою, чтобы не скучно было. А похоже, что реву? Да? Ты уже проснулся? Да?

Она говорит так быстро, что Костя не успевает ничего ответить, но девочка и не ждет ответа.

- Я знаю - ты племянник. Моего тато сестра - твоя мама. Да? Ты - Костя Голованов. Только почему Голованов? Может, потому, что у тебя голова большая? Да? Нет, голова обыкновенная. Значит, это просто такая фамилия. У нас в пятом классе есть девочка, так у нее фамилия Здравствуй. Галя Здравствуй. Девочки здороваются, а она думает, что ее зовут, и откликается. Правда, смешно? Да?

Сначала Косте хочется рассердиться, потом засмеяться, но он не успевает ни того, ни другого.

- А меня зовут Нюра. Ты у нас будешь жить, да? Я тебе все покажу. У нас хорошо, вот увидишь. А почему ты молчишь? Ты не немой?

- Как же я могу говорить, если ты разговариваешь без остановки?

- Ой, правда! Я так быстро говорю, что никак не могу остановиться. Вот меня учительница вызывает к доске. Да? Я как начну отвечать, она послушает-послушает, а потом махнет рукой и говорит: "Ты, Кичеева, не говоришь, а прямо с горки бежишь". Похоже, да? Это прямо ужасный недостаток! Виктор Петрович, математик, он говорит, что это от избытка энергии, и называет меня Ракетой. И мальчишки так называют. То есть не называют, а дразнятся, а мне все равно, пусть! Правда? Почему ты смеешься? Разве похоже? Да? По-моему, нисколечко. А какой у тебя недостаток? Тато говорит, что у всех есть недостатки. Я тоже так думаю. А ты?

Она тараторит и продолжает месить тесто. Руки ее мелькают с такой же скоростью, как и язык, и тесто жалобно вздыхает и попискивает под маленькими кулачками.

- Вот и всё. Теперь я его накрою - да? - и оно взойдет. Ты умеешь разжигать печку? Нет? Как же так? Сейчас я разожгу, а потом мы побежим искупаемся. Ты любишь утром купаться?

- Да ведь вода небось холодная?

- Тю! Утром самая лучшая!

Нюра говорит и летает по комнате, как маленькое рыжее пламя. И так же стремительно передвигаются вещи, к которым она прикасается: становятся, ложатся на свои места. Полотенце прикрывает тесто, заслонка с грохотом отлетает от устья печи и прислоняется к стенке, треща вспыхивает лучина, и огонь начинает торопливо облизывать поленья.

- Побежали, пока не прогорело.

Костя выходит вслед за Нюрой, но за ней нельзя идти, а можно только бежать. Пока он спускается с крылечка, она уже у обрыва и, мелькнув косами, исчезает под ним. Костя тоже бежит и, не найдя тропки, съезжает на пятках по глинистому обрыву прямо к узкой песчаной полоске берега. Здесь вверх дном лежит на песке маленькая лодка, а рядом на плаву стоит другая, побольше. Нюра уже на корме большой лодки и зовет его, но Костя останавливается, ошеломленный красотой утра.

На реке ни рябинки, вода чистая и гладкая, как стекло. Над ней мгlistая легкая дымка тумана, но он уже поднялся от воды, и, если присесть на корточки, в просвет между водой и туманом видны золотистая отмель и зелень то ли острова, то ли далекого берега. Солнце только что взошло и не спеша поднимается по глубокому голубому небу.

- Что же ты? Скорей! - кричит Нюра. Она уже сбросила платье и стоит в трусиках и майке. - Ты нырять умеешь?

Она подпрыгивает и крючком падает в стеклянную гладь. Вверх взлетает шумный фонтан, и почти сейчас же рыжие волосы ее появляются на поверхности.

- Ой, и хорошо же! Что ж ты стоишь? - кричит она.

Костя хочет, как всегда, попробовать, не холодная ли вода, но, опасаясь, что эта рыжая тараторка посчитает его трусом, идет на корму лодки. Низковато, но ничего. Он складывает руки, пружинисто подпрыгивает и, сделав в воздухе полукруг, без шума и брызг, почти отвесно идет в воду. Когда, отфыркиваясь, он подплывает к лодке, Нюра уже сидит на корме и с восхищением смотрит на него.

- Ой, здорово! Я так не умею. Ты меня научишь? Да? Ну, еще разок - и надо бежать печь лепешки, а то вон уже тато возвращается.

Она еще раз ныряет, потом быстро натягивает платье и убегает.

Костя долго осматривает реку и наконец далеко внизу по течению замечает маленькую темную точку. Сначала она кажется неподвижной, но мало-помалу растет, по сторонам ее становятся заметны вспышки света - это сверкают на солнце весла.

Когда Костя возвращается, Нюра уже ставит на стол тарелку со стопкой лепешек, на которых пузырится кипящее масло. С громом и звоном на столе появляются кружки и пузатая запотевшая крынка с молоком.

- Ну как вы тут? Познакомились, поладили? - спрашивает Ефим Кондратьевич, входя в комнату.

- Мы, тато, поладили, поладили! - говорит Нюра. - Правда, Костя? А как же! Отчего нам не поладить? Пойдем, я тебе солью.

Ефим Кондратьевич не спеша - как он говорит: с чувством, с толком, с расстановкой - умывается, они садятся за стол и едят пышные лепешки с хрустящей корочкой и пьют молоко, густое и такое холодное, что от него ноют зубы.

- Ну, спасибо, Анна Ефимовна, - говорит дядя, вставая из-за стола.

Он закуривает свою трубку, и тотчас комнату наполняет едкий, как нашатырный спирт, запах.

- Фу, тато! Сколько раз говорили! - машет руками Нюра и пытается открыть еще шире уже открытое окно.

- Пойдем, Костя, на вольный воздух, а то моего кадила, кроме меня да комаров, никто не выдерживает...

- Вот так мы и живем, - обводя широкий полукруг рукой, говорит дядя, когда они подходят к берегу. - Нравится тебе?

- Да.

Косте и в самом деле нравится широкий простор пойменных лугов левого берега, синеющая вдали полоска леса, обрывы кряжа, подступающего к реке километрах в трех ниже по течению.

- Только почему это называется "Гребля"? Тут ведь никакой плотины нет.

- Кто его знает! Может, когда и была. А сейчас просто так место называется. А там вон, за кручами, там село. Там Аннушка учится, а когда навигация кончается, и я в село перебираюсь.

- А почему вы там все время не живете?

- Нельзя. Там, у села, участок простой, легкий, течение спокойное, а здесь место трудное. Вон, - показывает дядя на левую сторону немного вверх по течению, - ты думаешь, там берег? А там остров, а за ним - Старица, старое русло да еще рукав, а чуть повыше - еще остров и еще рукав.

- Ну так что? Капитаны же знают, куда нужно плыть.

- Капитаны-то - да, а вот река не знает, куда она пойдет.

- Так ведь она всегда одинаково идет.

- Нет, брат, - смеется Ефим Кондратьевич, - в том-то и штука, что нет! Вон там, повыше, пароходы левым рукавом раньше ходили, могли и по Старице ходить - снова ее размыло, а нынче попробовали - и сел один на мель: в полую воду нанесло. Она ведь как шальной конь - не угадаешь, куда кинется. Сейчас фарватер здесь идет, а потом, глядишь, мель намочет, и он к левому берегу убежит.

Костя смотрит на спокойную речную гладь и сомневается. Она совсем не похожа на горячего, норовистого коня, бросающегося из стороны в сторону. Вот течет и течет. Сейчас течет, и вчера текла, и год назад, и сто лет... Она и раньше была, при запорожцах, и еще совсем-совсем раньше - при Ярославе Мудром и Владимире. И как же может быть, чтобы за все это время ее не изучили, не выучили наизусть, как таблицу умножения? Это же не море...

Ефим Кондратьевич, видно, угадывает Костины мысли и усмехается.

- Тут, конечно, не больно широко, не разгуляешься. Однако от этого только труднее, а не легче. Вон, видишь - я про то место, повыше, говорю, показывает он. - Вон красный бакен видать. Там стрежень идет у правого берега, потом его мелью отводит к острову, а оттуда он, как курьерский поезд, на этот бакен идет. Хорошо? Хорошего мало. Бакен этот стоит над каменной грядой - "забора", по-нашему. Там камень есть - "Чертов зуб" мы его называем. Камень такой, что об него что хочешь расколоти. А течение прямо на него несет. Вон как там вода блестит - над ним играет. В полую воду - ничего, а как вода спадет - тут капитан не зевай: увидел красный бакен - бери влево, а то беды не оберешься. Вот она какая, река-то! Со всячиной. Ну, да за ней следят, воли ей не дают.

- А как за ней можно уследить?

- Служба есть специальная: и капитаны и мы - бакенщики. Это ведь пассажиру все одинаково: здесь вода и там вода. А опытный человек все видит: где она вроде бы спокойная, гладкая, только всю ее изнутри ведет, крутит - там суводь; где рябить начинает - там, гляди, мель намывает, а то и пережат. Ну, как чуть мель или пережат обозначатся, так мы их обставляем вешками, бакенами - тут, мол, опасно, обойди стороной.

- А когда обставите, тогда уже безопасно?

- Тогда - да. Днем вешки, бакены, а ночью огни на бакенах и перевальных столбах дорогу показывают. Тогда уж капитан может смело вести пароход. Если правильно вести, ничего не случится.

- Так никогда ничего и не случается?

- А что же может случаться?

- Ну, кораблекрушения...

Дядя удивленно смотрит на Костю, вынимает трубку изо рта и так гулко хохочет, что сорока, присевшая на опрокинутую лодку, испуганно взмывает в воздух и, громко треща, улетает прочь.

- Кораблекрушения?.. Да кто же до этого допустит?

- Ну бывает же. Вон на железной дороге рельса лопнет или еще какое происшествие...

- У нас рельсов нет, а река - она не лопнет, - смеется дядя. - И что это ты такой кровожадный, несчастья тебе нужны?

- Да нет... просто... Ну, бывает же у вас что-нибудь интересное?

- А у нас все интересное.

- Ну да! Вот всё обставили, а потом что?

- Потом надо следить за всем. Промерять глубины, огни на бакенах зажигать, а утром гасить. Инвентарь держать в порядке...

- А почему они керосиновые, фонари на бакенах? Электрические-то ведь лучше?

- Известно, лучше. На Днепре есть уже электрифицированные участки. Придет время, и у нас будут электрические фонари, а пока надо керосиновые держать в порядке. Да разве только это? Дел хватает... Вот мы сейчас ими и займемся. Ну-ка, тащи давай ту кучку плавника.

Костя подтаскивает поближе ворох веток, корней, всяких древесных обломков, выброшенных водой на берег и давно уже высушенных жгучим июньским солнцем. Ефим Кондратьевич зажигает костер, на рогульке подвешивает над ним котел со смолой. Костя помешивает пахучую черную смолу, а дядя мастерит из пакли квач - широкую кисть с короткой рукояткой.

- А я? А я? - кричит Нюра, скатываясь с откоса. - Ты же обещал, тато, что вместе! Вот мы с Костей! Да? А что ты смеешься, тато? Думаешь, не сумеем, да? Сделаем - лучше не надо!

- Ладно, ладно, - говорит Ефим Кондратьевич и мастерит второй квач.

ТЫ НАУЧИШЬСЯ

Смола вспучивается большими пузырями, потом начинает подниматься в котле, как закипающее молоко. Костя и Нюра продевают под дужку котла толстую палку и несут

дымящееся варево к маленькой лодке.

- Вот это - твоя сторона. Да? А это - моя. Посмотрим, кто скорее и лучше.

Ну, что-что, а уж это-то Костя сумеет! Он видел, как маляр красил масляной краской стенку на лестнице их дома. Это было очень просто.

Костя окунает квач в кипящую смолу и начинает, как тот маляр, делать длинные мазки. Жидкая смола тихонько чавкает под квачом и ложится сверкающим лаковым слоем. Костя снова макает квач и делает мазки еще длиннее. А Нюра без конца тыркает по одному месту.

- Не годится! - говорит Ефим Кондратьевич, подходя к нему.

- Почему? - удивляется и огорчается Костя.

- Ты поверху мажешь, а надо, чтобы смола каждую щелинку закрывала. Посмотри.

От наведенной Костей глянцевої красоти ничего не осталось. Вся только что замазанная часть днища покрылась пузырями, пузыри лопнули, оставляя уродливые пятна, словно после оспы. Костя пробует замазать их, но смола уже не ложится ровно, а налипает буграми, полосами.

Костя внимательно присматривается и сам делает так же, как Нюра: втирает, вмазывает смолу во все углубления и щели. Это значительно труднее, чем просто водить кистью. Костя быстро устает, а получается по-прежнему неважно. А Нюре хоть бы что. Прижав кончиком языка верхнюю губу, она мажет, поминутно отбрасывая левой рукой падающие на глаза волосы.

- А я первая! Я первая! - начинает она приплясывать, размахивая квачом. Однако, увидев расстроенное Костино лицо, она сейчас же меняет тон и снова сыплет, как горохом: - Знаешь, давай вместе. Да? Я тебе помогаю, а ты - мне. Хорошо? А потом, когда кончим, попросим тато, чтобы он дал нам эту лодку. Мне одной он не дает. А если вдвоем - даст. Ты умеешь грести? Нет? Это совсем просто. Я тебя научу...

Они кончают смолить. Ефим Кондратьевич осматривает работу и молча показывает пальцем на огрехи. Костя краснеет: огрехи на его половине.

- Не придирайся, тато! - говорит Нюра. - Сделано по-стахановски, на совесть!

- Да ведь совестью щель не замажешь, смолой надо.

- Ладно, сейчас замажем! А ты свое обещание помнишь? Лодку будешь давать? Да?

- А если утонете?

- Мы утонем? Да? - Рыжие косы Нюры с таким негодованием взлетают, что, кажется, вот-вот оторвутся. - Да я же саженками Старицу переплывала! Ты уже не помнишь? Да? А Костя - ого! Он знает как ныряет? Так даже я не умею... А ну, Костя, покажи! Пусть он не думает...

- Ему и впрямь выкупаться надо, вон он как извозился, - смеется Ефим Кондратьевич.

- Ой, батюшки! - всплескивает руками Нюра. - Давай скорее песком, пока не застыло!

Она хватается Костю за руку и тащит к воде. Костя оттирает мокрым песком смоляные пятна, пока кожа не начинает нестерпимо гореть, но оттереть смолу до конца так и не удается.

- Ничего, - утешает его Нюра. - Я раз нечаянно в платье на смолу села и прилипла - и то отстиралось. А с кожи само сойдет.

После обеда они переворачивают лодку и сталкивают ее в воду, но покататься Ефим Кондратьевич не разрешает: ветер развел волну, и отпускать одних ребят он не решается. Видя их огорчение, он утешает:

- Вечером я поеду по своему хозяйству, и вы со мной.

До вечера еще далеко. Нюра убегает в дом и принимается чистить картошку для ужина. Послonyaвшись по берегу, Костя идет к ней и пробует помогать, но из огромной картофелины у него остается такой маленький орешек, что Нюра удивленно открывает глаза:

- Что это ты какой-то такой, что ничего не умеешь? Ты никогда не чистил, да? А кто у вас чистит - мама? А ты ей не помогаешь?

Костя обижается и уходит. Подумаешь, картошка! Он умеет делать вещи поважнее и потруднее.

Но все это осталось дома, в Киеве, а здесь ему некуда девать себя, и он идет к дяде. Ефим Кондратьевич сколачивает запасную крестовину для бакена. Несколько бакенов, белых и красных, выстроились рядком на берегу, а дальше, опираясь на перекладину между двумя столбами, стоят полосатые вешки.

- Ты что заскучал? Делать нечего? Вон займись, обтеши кол для вехи.

Вот это настоящее мужское дело! А то - картошка!

Костя с удовольствием принимается за работу. И топор какой удобный легкий и острый, топорище изогнуто, как лук, и гладкое, будто лакированное.

- А зачем же ты землю тешешь? - спрашивает дядя. - Ее сколько ни руби, не изрубишь, а топор затупишь. Ты вон уткни в колоду и действуй.

Топор, и правда, ударяя по лесине, все время чиркает по земле. Костя подкладывает под комель лесины чурбак. Однако теперь тонкий конец при каждом ударе подпрыгивает, лесина съезжает с чурбака, и ее то и дело приходится поправлять.

- А ты вот так, - говорит дядя и ставит лесину к перекладине стоймя, а под комель подкладывает чурбак. - Так-то оно сподручнее.

Конечно, сподручнее. Костя одной рукой придерживает веху, а другой тешет. Однако топор совсем не такой удобный, как казалось сначала. Он то скользит и, сняв тоненькую стружку, тяпает по чурбаку, то так увязает в лесине, что с трудом вытащишь. Да он и не такой уж легкий, а с каждым ударом становится все тяжелее и тяжелее. От этой тяжести у Кости начинает ломить локоть, но он все-таки обтесывает и заостряет комель. Острие получается кургузое, тупое и изгрызенное, словно его не топором тесали, а оббивали молотком.

- Ничего, научись, - говорит дядя.

Он берет у Кости топор и несколькими ударами снимает длинную, толстую щепу. Острие сразу становится длинным, тонким и гладким.

- Здорово! - признается Костя.

- Это что! Я с топором не очень умею. Вот дед мой, твой прадедушка, вот это был артист! Он столько хат поставил, что и счет потерял. Топором такие узоры разделявал - в пору вышивальщице! А в случае чего - топором и побриться мог...

Дядя рассказывает, как дед на спор при помощи одного топора построил комод, а Костя

поглаживает ноющий локоть и думает.

- А все-таки это пережиток, - говорит он наконец.

- Что?

- Топор. Отсталая техника. При коммунизме он разве будет? При коммунизме надо же, чтобы не было противоположности между умственным и физическим? А тут что? Один физический.

- Не знаю, как будет при коммунизме. Кому как, а мне этот пережиток нравится. Полезная вещь! Конечно, ежели он в настоящих руках... При физическом труде голова-то - вещь тоже не вредная. Да. Как и во всяком.

Костя усматривает в этом намек на свое неумение и умолкает, но остается при том же мнении.

Наконец приближается вечер. Нюра и Костя несут в лодку фонари, Ефим Кондратьевич берет весла, и они отчаливают.

- Давай так, - командует Нюра, - сначала я гребу, а ты смотришь! Потом мы вместе. Да? Ты и научишься. Ничего особенного. Вот смотри!

Прижав кончиком языка верхнюю губу, она берется за вальки и, далеко откидываясь назад, начинает грести. На висках и крыльях носа у Нюры скоро появляются капельки пота, но она не перестает тараторить:

- Вот видишь: очень просто. Я нагибаюсь. Да? И заносу весла. Потом опускаю весла и гребу. Правда, просто?

- Ладно, давай теперь я, - говорит Костя. - Нет, я сам, ты садись на мое место.

На лодке Косте кататься приходилось, но греб он только один раз и совсем недолго - первый опыт был не очень удачным: он забрызгал новое мамино платье, и у него отобрали весла. Но теперь, видя, как плавно взлетают весла в руках Нюры, как ходко идет лодка, он решает, что это действительно пустяковое дело.

Он берет весла, усаживается поудобнее, расставляет ноги. Р-раз! Весла по самые вальки уходят в воду, и Костя с трудом вытаскивает их. Не надо так глубоко. Два! Весла срывают макушки мелких волн и с размаху стучат по бортам лодки. Ага, понятно - не надо торопиться. Он далеко заносит весла, осторожно опускает их, но одно весло почему-то поворачивается и острым пером легко режет воду, а не гребет, а другое опускается глубоко, буравит воду, и лодка рыскает в сторону.

Костя краснеет от стыда и натуги и исподлобья взглядывает на Нюру и дядю. Ефим Кондратьевич невозмутимо дымит своей трубкой и даже не морщится, когда Костя с головы до ног обдает его брызгами, а Нюра напряженно следит за веслами, и на ее подвижном лице отражается каждое Костино усилие, словно гребет не Костя, а она сама. Очень ему нужно ее сочувствие! Он старается еще больше, но чем больше старается, тем выходит хуже. Легкие поначалу весла тяжелеют, словно наливаются свинцом, и то и дело норовят или повернуться в воде, или выскользнуть из рук. Вода становится густой, вязкой, словно вцепляется в весла, а лодка, которая казалась ему маленькой и легкой, представляется теперь огромной, тяжелой баржей. Ее не веслами, а прямо машиной надо двигать... А тут еще над самой головой с насмешливым визгом проносятся стрижи...

- Стоп! - командует Ефим Кондратьевич. - Здесь одному не справиться: начинается быстрик. Садитесь вдвоем.

Костя потихоньку переводит дыхание - он уже совсем замучился. Нюра садится рядом, они двумя руками берутся каждый за свой валёк.

- Ну, по команде: раз - весла опускать, два - сушить, значит поднимать из воды. Готовы?
Р-раз - два! Раз - два!

Конечно, вдвоем легче. Правда, и сейчас весло не очень слушается Костю - оно то глубоко зарывается в воду, то скользит по поверхности, и лодка виляет то вправо, то влево, но Ефим Кондратьевич время от времени подгребают кормовым веслом, и она ходко идет вперед. Теперь Костя понимает, что течение вовсе не стало быстрее, просто Ефим Кондратьевич видел, что Косте стало уже не в состоянии, и сказал про течение, чтобы ему не было совсем стыдно.

Понемногу он приноравливается опускать весло на нужную глубину - так и легче грести и лодка идет быстрее, - но, как только Костя входит во вкус настоящей гребли, Ефим Кондратьевич поднимает руку:

- Довольно, ребята! Надо поворачивать к забору, а там вы не управитесь, да и устали, поди.

Он садится на весла, Нюра берет кормовое, а Костя ложится на носу и смотрит в воду. Вот здесь, действительно, течение! Ефим Кондратьевич гребет сильно, вода сердито гулькает у бортов, лодка рывками устремляется вперед и тут же, будто наткнувшись на мягкую, но непреодолимую стену, замедляет движение; еще немного - и ее понесет назад.

Однако красный бакен над Чертовым зубом постепенно приближается. Он наклонился навстречу течению и все время покачивается, словно кланяясь. Кажется, что какая-то сила пытается утащить его вниз, под воду, а он упирается, не дается.

Вот он уже совсем близко. Костя пытается рассмотреть под водой камень, но в темной глубине мелькает какая-то неясная тень и больше ничего не видно.

Ефим Кондратьевич подгребают к бакену, зажигает фонарь и ставит его на макушку бакена. Лодку сразу же относит далеко вниз. В светлых сумерках красный огонек бакена светит вяло и тускло.

Они поднимаются теперь уже под самым берегом, еще выше зажигают несколько красных бакенов, потом переваливают на другую сторону, чтобы, идя вниз, зажечь белые.

- Ну, теперь уже - мы. Да, тато? Теперь уже мы сможем. Правда, Костя?

Нюра решительно берется за весло, и Ефим Кондратьевич уступает. Вниз грести намного легче. Можно даже и не грести совсем, лодка сама идет по течению, только направляй, куда надо. Однако они усердно гребут, и у Кости получается все лучше и лучше. Время от времени он поглядывает на дядю видит ли тот, как здорово у него выходит? Ефим Кондратьевич понимает Костины взгляды и одобрительно кивает.

На обратном пути против течения выгребает сам Ефим Кондратьевич, а усталые ребята отдыхают.

Бакена над Чертовым зубом уже не видно, только над водой покачивается красный огонь, и кажется, что он висит и покачивается прямо в воздухе. Давно притаились где-то редкие чайки, скрылась на ночь шумливая ватага стрижей. Тихо на воде и над водой. Улеглась мелкая рябь, река снова замерла и остекленела. Только звенят капли, падающие с весел, да изредка всплеснет рыба, и на том месте медленно расходятся плавные круги.

Костя рад, что притихла даже неугомонная Нюра. Широко открытыми глазами она смотрит на засыпающую реку, на речные огни и о чем-то думает. У Кости гудят натруженные руки, и он

тоже думает. О чем? Обо всем сразу. О том, где теперь мама, - она уже, наверно, в Каховке; о том, как, должно быть, набедокурила Лелька и теперь слушает выговор соседки Марьи Афанасьевны и смотрит на нее совершенно невинными глазами; сколько наловил рыбы Федор, и оправдались ли его надежды на новую блесну, которую он сделал из консервной банки; какой может быть счет у киевского "Динамо" и "Шахтера" - они сегодня играли на стадионе. Макаров - вратарь что надо! В нем Костя уверен, а вот нападающие...

И до чего же здесь тихо! В Киеве так никогда не бывает. И, хотя все это очень интересно, - жить здесь он бы не согласился. Сегодня - то же, что вчера, и завтра - то же, что сегодня. Бакены эти самые. Объехал - зажег, объехал - погасил. И вообще, подумай - бакен! То ли дело маяки! Там как ударит шторм, так будь здоров!..

- Ой, Костя! Тато, посмотри, что у него на руках!

На ладонях у Кости вздулись белые волдыри. Два из них давно раздавлены, и там - грязно-красные ранки. Только теперь он чувствует, как горят руки и саднят эти ранки.

- Ничего, до свадьбы далеко, заживет! - говорит Ефим Кондратьевич.

Лодка врезается в песок. Нюра выскакивает первая, а Костя и Ефим Кондратьевич вытаскивают лодку, забирают весла и запасные фонари. Почти совсем уже темно, но звезды на небе еле видны.

- К ненастью, что ли? - поднимает голову Ефим Кондратьевич.

Дужки фонарей режут Косте натруженные руки, и он нетерпеливо переступает с ноги на ногу, дожидаясь, пока дядя заберет у него фонарь. Красный огонь над Чертовым зубом смотрит на Костю и насмешливо подмигивает...

На следующий день никакого ненастья нет, солнце жжет так, что даже небо блекнет от жары. Нюра и Костя поминутно бегают к реке, но, стоит им оказаться на суше, тело мгновенно высыхает, и их снова тянет в воду.

- Эй, лягушата, хватит бултыхаться! - кричит им Ефим Кондратьевич. Совсем уже посинели!

- Ой, что-то вправду холодно стало! - стуча зубами, говорит Нюра. Она срывает листок подорожника и лепит себе на нос. - Чтобы не облез, поясняет она. - А то так и будешь ходить с облупленным носом. У нас одна девочка в классе - так она повязывается, как старушка, и лицо сметаной мажет, чтобы не загореть. Она раз в саду заснула - да? - пришел котенок и всю сметану слизал. Правда, смешно? Ребята над ней смеются и говорят, что в следующий раз придет свинья и съест ее, как бутерброд... А у вас в классе хорошие девочки?

- У нас нет девочек.

- Как так? А куда же они девались?

- Они отдельно, в других школах. Школы для мальчиков и школы для девочек. Понимаешь?

Но Нюра не понимает. Разве плохо, если мальчики и девочки вместе? Это для того, чтобы не дрались? Но вот они же не дерутся, хотя у них и есть Сенька Гузь, его давно следует вздуть, и она его вздует-таки при случае... А вообще вместе же лучше, интереснее! Ого, она мальчишкам ни в чем не уступает! У них в классе только один Миша Цыганенок учится так же, как она. Почему же плохо, если вместе!

Костя ничего объяснить не может, он и сам не знает, зачем так сделано.

- Побежали к Гремячему яру? - предлагает Нюра.

- Побежали. А почему он - Гремячий? - спрашивает Костя уже на бегу.

- Не знаю. Может, потому, что шумит очень, когда вода. Весной или когда дождь, он, знаешь, как скаженный! Ни пройти, ни проехать - так и бурлит, так и бурлит!..

- Ну, ты ж и длинноногая! Никак тебя не догонишь...

- Ого! - счастливо улыбается Нюра. - Я знаешь как бегаю? Меня никто не догонит. Вот когда у нас соревнования - да? - я всегда первое место занимаю! Даже из седьмого меня обогнать не могут... Семен Семеныч, наш физкультур, говорит, что у меня прямо талантливые ноги. А мне смешно - какой же может быть у ног талант? Талант у человека бывает. Да? А у тебя есть талант?.. Вот и я не знаю. У меня, кажется, нету...

ЗНАКОМЬТЕСЬ, ПОЖАЛУЙСТА!

Гремячий яр никак не оправдывает своего названия. Глубокий овраг с крутыми глинистыми откосами глух и истомлен зноем. На дне змеятся трещины, по откосам только сверху растет редкая трава, а ниже ступеньками падают обрывистые подмывы.

- Во, смотри! - кричит Нюра, сбегая на дно оврага и поднимая вверх руки. - Тут, когда вода бежит, так мне с ручками!

- Это вы тогда как на острове. Ни вы никуда, ни к вам никто.

- Ага! Нет, можно на Лодке, по Днепру, только очень далеко. Или там, выше километров восемь, через яр мост есть, где грейдерная дорога... Полезли? Вот ты сейчас увидишь, - говорит она, карабкаясь на высокий обрыв яра.

Пыхтя и задыхаясь, Костя лезет следом. Он взбирается наверх и замирает.

По кособокому сбегают в долину буйные вишняки, лишь кое-где среди них белеют стены хат да высятся темные свечи пирамидальных тополей. Далеко внизу приткнулся к берегу игрушечный домик бакенщика. Желтыми косами, густой тальниковой гривой врезался остров в реку. Над Старицей наклонились, задумались плакучие ивы, бессильно свесили свои косы до земли, а по ней бегут и бегут до самого горизонта зеленые волны хлебов и тают в побледневшем от зноя небе. Струится, дрожит нагретый воздух, и кажется - не кузнечики и сверчки, а самый воздух звенит и поет.

- Ну? Что ж ты молчишь? - нетерпеливо дергает Нюра Костю за руку и заглядывает ему в лицо. - Хорошо, да? Тебе не хочется говорить? Мне тоже... Я как приду сюда, так смотрела бы и смотрела и ничего не говорила...

Но долго молчать она не может и показывает, объясняет Косте все, что видится с крутого обрыва. Делает это Нюра с таким видом, словно всю красоту вокруг создала она сама и теперь с полным правом гордится своей работой.

Из недалекой лоцинки доносится протяжный свист. Нюра оборачивается и прислушивается.

- Это меня зовут. Ребята. Миша Цыганенок. Он еще и не так может - с переливами!

Она засовывает в рот пальцы и пронзительно свистит.

- А ты умеешь? А ну?.. Ничего! - со знанием дела одобрительно говорит она. - Свистишь доходчиво. Я знаю, девочкам свистеть нехорошо. А если нужно? Для пользы дела? Надо уметь, правда? По-моему, надо все уметь! Да?

Из лоцинки появляются и быстро приближаются два подростка, но, увидев рядом с Нюрой

незнакомому паренька, замедляют шаги.

- Ну, чего же вы? - кричит им Нюра. - Идите сюда! Вот, знакомьтесь, пожалуйста! - чинно сложив руки, говорит она. - Это наши ребята. Это вот, показывает она на плотного мальчугана с коротко остриженной круглой головой и полным добродушным лицом, - это Тимка-Тимофей. Он толстый и потому ленивый. А еще он - "Нукало".

Ленивый Тимофей нисколько не обижается, а с любопытством смотрит на Нюру, ожидая, что она еще скажет. Но она поворачивается к другому мальчику, небольшого роста, черноглазому и черноволосому. В отличие от своего медлительного товарища, он все время в движении. Даже когда он стоит, кажется, что он страшно торопится.

- Это Миша Цыганенок. Он вовсе не цыганенок, а просто, видишь, черный, мы и зовем его Цыганенком. А это, ребята, - Костя. Мой родной двоюродный брат. Его мама родная сестра...

- Твоего родного папы, - лукаво подсказывает Миша.

- Ну да! - простодушно соглашается Нюра. - Что же вы не знакомитесь?

Ей очень хочется, чтобы они познакомились так, как это делают взрослые: подали руки и сказали: "Очень приятно" или что-нибудь в этом роде, но ребята не собираются подавать руки, а исподлобья молча и внимательно оглядывают друг друга.

- Да ну тебя! Еще знакомиться... - неторопливо тянет Тимофей. - Пошли, Мишка.

- Куда вы идете?

- Ну, купаться... А что?

- Мы тоже пойдем! Да, Костя?

- Ну, идемте, - говорит Тимофей.

- Кто скорее! - кричит Нюра и стремглав бежит по откосу вниз, к реке.

Миша и Костя устремляются за ней. Костя сразу же отстает: он еще не привык бегать босиком, и кожа на ногах слишком чувствительна. А Тимофей и не думает торопиться. Он осторожно и увесисто переставляет ноги и говорит Косте, не то утешая его, не то оправдываясь:

- Ну, за Ракетой разве угонишься! Она всегда так, будто ее во что зарядили и выстрелили. Нам не к спеху, мы поспеем.

На берегу Миша и Нюра уже яростно спорят, кто первый добежал до воды, но первенство явно за Нюрой. Это признают и Костя и Тимофей.

- Ладно, - сердито блестя глазами, говорит Миша, - посмотрим, кто кого переплывает!..

- Ну что ж? Меня переплываешь, а Костя...

- Твой родной двоюродный брат? - насмешливо спрашивает Миша. - Ладно, мы и не таких братьев видали...

Он с разбегу бросается в воду, раззадорившийся Костя прыгает следом.

Тимофей пробует ногой - не холодна ли вода, потом забредает по колени и, черпая ладошкой, осторожно смачивает себя водой.

Нюра уже успела сбросить платье, окунуться и окатывает его фонтаном брызг.

- Да ну, да ну... - отмахивается Тимофей. - Не над... Не надо!

Нюра дергает его за руку, и он плюхается в воду.

- Ну что ты за чумовая какая! - говорит он отфыркиваясь. - Прямо хоть связывай...

- Попробуй свяжи! - хохочет Нюра.

Миша и Костя плывут рядом. Сначала Костя вырывается вперед, но скоро Миша его нагоняет, и они идут голова в голову. Нет, саженками далеко не уплывешь, Костя поворачивается на бок. Миша делает то же самое. Тогда Костя поворачивается лицом в воду и бешено работает руками и ногами. Однако, приподняв на секунду голову, он видит, что Миша тоже плывет кролем и опередил его не меньше чем на метр.

Костя вылезает из воды и молча ложится на песок. Нюра садится рядом. Она огорчена не меньше Кости.

- Это все Семен Семеныч, - со вздохом говорит она, - физкульт наш! Это он его научил!

А Миша хвастает перед Тимофеем своей победой,

- Тренировочка! - горделиво говорит он. - Я, может, через тренировочку в чемпионы выйду!

- А чего ж? - рассудительно говорит Тимофей. - Может, и выйдешь. Ну, пойду и я поплаваю.

Однако и плавает он по-своему, так, чтобы поменьше затрачивать усилий: идет по берегу навстречу течению, забредает в реку и ложится на спину, предоставляя воде нести его неподвижное тело.

- Тимофей, не засни! Раки утащат! - кричит ему Нюра.

- Ну, не утащат, - спокойно отзывается он и поворачивает к берегу.

- Ох, и лодырь же ты, Тимка! - ругает его Миша. - Разве так плавают? Как полено...

- Ну нет, - после некоторого раздумья отвечает Тимофей, - полону лучше - оно легче... - и удивленно смотрит на хохочущих товарищей.

Костя не смеется. Самолюбие его задето, и он думает только о том, как бы доказать свое превосходство над вертлявым Цыганенком.

- Пошли поныряем, - небрежно говорит он.

Неподалеку покачивается на приколе дуб - большая валкая лодка с высоким носом и кормой. Ребята забираются в лодку. Первой шумно ныряет Нюра, потом плашмя, животом, падает в воду Тимофей. Он даже не уходит под воду, а так и остается на поверхности и сейчас же подплывает к лодке. Миша презрительно кривит губы, оттолкнувшись, прыгает ногами вперед и свечкой уходит в воду. Костя, переждав, пока он выплывет, приседает и, как пружина развернувшись в воздухе, без единого всплеска погружается в воду. Кажется, что и там он продолжает свой полет - так плавно его тело выскальзывает на поверхность.

Ребята молчат, и молчание Миши говорит Косте больше, чем открытое восхищение, написанное на лице Тимофея. Но Косте этого мало, он жаждет полного торжества.

- А ну, давайте раскачаем, - говорит он.

Ребята становятся на носу, Костя лицом к ним, на корме, и они начинают раскачивать лодку, как качели. Корма взлетает все выше и выше. Улучив момент, Костя спиной к реке взвизгивает в воздух, описывает большой полукруг и, нырнув, показывается на поверхности возле самой кормы.

- А что? Я говорила, я говорила! - радостно тараторит Нюра и смотрит на всех так, словно не Костя, а она сама сделала этот необыкновенный прыжок.

- Здорово! - вздыхает Миша Цыганенок и протягивает Косте руку, чтобы помочь взобраться в лодку. - Научишь, а?

- Пожалуйста! - великодушно говорит Костя. - Это очень просто. - И он рассказывает, а потом показывает, как нужно нырять.

Миша старательно повторяет его движения, но получается у него плоховато.

- Научусь! - упрямо говорит он.

- Конечно, научишься! - соглашается Костя.

Превосходство Кости доказано, превзойти его не так просто, и настроение у него веселое и доброжелательное.

Они ложатся на песок, чтобы отогреться и отдышаться.

- Ты в Киеве все время живешь? - спрашивает Тимофей.

- Все время. А что?

- Ничего. Мы еще не были...

- Так что? - прерывает Миша. - На будущий год с экскурсией поедем.

- Ну, так то на будущий! Здорово там красиво?

- Ага.

Костя описывает Киев, его крутые улицы, обсаженные каштанами, залитый огнями простор Крещатика, сады над Днепром, стадион, футбольные состязания, из которых Костя не пропустил ни одного, как сплошной людской поток заливает после матчей Красноармейскую и Саксаганскую, так что останавливаются все трамваи, троллейбусы и пережидают, пока он схлынет...

Ребята не сводят с него глаз, и Костя старается еще больше. Он рассказывает о Владимирской горке и Зеленом театре; о памятнике Шевченко и о здании Верховного Совета, в котором Костя не был, но видел снаружи, а как там, внутри, - знает по описаниям; об оперном театре, где Костя вам видел балет "Золушка". Балет ему не очень понравился: ходят под музыку на цыпочках или прыгают - прыгают, правда, здорово! - разводят руками и молчат. Но в общем ничего: напридумано всяких чудес и красивые декорации. А вот опера "Иван Сусанин" - это да! У него даже мороз по коже ходил, когда он слушал... Вот пусть они приезжают, он им покажет больше, чем на любой экскурсии, они весь Киев обойдут...

Постреливая дымком из тонкой трубы на корме, сверху идет тяжело груженное судно.

- Что это за пароход? - спрашивает Костя.

- Это не пароход, а самоходная баржа. Дизельная, - отвечает Миша.

- Ага. Это "Киргизия", - подтверждает Нюра. - Покачаемся?

Ребята бросаются в воду и плывут наперерез барже. Костя плывет следом. "Вот если бы мама увидела", - мелькает у него в голове, но он сейчас же жмурится и даже встряхивает головой, отгоняя эту мысль: если бы мама увидела, ничего веселого Косте это бы не принесло....

Фарватер идет почти у берега, и баржа сама поворачивает навстречу ребятам.

- Куда вы лезете, бисовы диты? - кричат им с "Киргизии". - Потонете, як кутята!

- Не! - кричит в ответ Нюра. - "И в воде мы не утонем..."

- "И в огне мы не сгорим!" - подхватывает Миша, плывущий рядом с ней.

От носа "Киргизии" к берегу бежит волна и мягко подбрасывает ребят. Тимофей заранее лег на спину и подставил солнцу живот. Остальные тоже ложатся на спину и, плавно покачиваясь на волнах, плывут по течению.

- В Каховку пошла, - говорит Миша, когда они, снова улегшись на песок, смотрят вслед удаляющейся "Киргизии".

- А ты почему знаешь? Может, вовсе и не в Каховку, а так куда-нибудь! - оспаривает Нюра.

- В Каховку! - упрямо повторяет Миша.

Сверху медленно ползет большой дымчато-серый буксир. Он с натугой тащит две баржи, почти до самых палуб осевшие в воду. "Кремль", - читают ребята название, написанное красными буквами на кожухе, когда буксир равняется с ними.

- Сейчас все в Каховку идут, - авторитетно говорит Миша. - Туда знаешь сколько всего нужно!..

- Вот бы туда, ребята, а? - мечтательно говорит Нюра.

- Нужны там такие! - хмыкает Миша. - Там специалисты требуются.

- А я не смогу? Да? Вот возьму выучусь и стану специалистом! Каким захочу, таким и стану!

- Ну, станешь. Только когда это будет? Тогда и коммунизм построят. Очень интересно прийти на готовое!

- Ну, это уж ты того... - поворачивается к нему молчавший до сих пор Тимофей. - Что же, если коммунизм, так и делать нечего будет? И нам дела хватит...

- Так то - потом... Сейчас бы поехать!..

- А моя мама поехала в Каховку, - сообщает Костя.

- Ну? Зачем? - поднимают голову ребята.

- На обследование. Она - санитарный врач и будет обследовать, чтобы рабочим было хорошо жить.

- А-а... - разочарованно тянет Миша. - Это что! Строить же она не будет? Самое главное - строить бы...

- Может, чего-нибудь и будет строить... - неуверенно предполагает Костя.

- У меня скоро батько в Каховку поедут, - говорит Тимофей. - Они тракторист. А сейчас выписали книжку про экскаваторы. Как выучат, так и поедут.

- А тебя возьмет?

- Ну, навряд. Да я и не поеду. Я же опыты не кончил.

- Вот, видал? - смеется Миша, оборачиваясь к Косте. - Кому великие стройки, а кому - арбузы.

- Какие арбузы?

- Вот этот мичуринец растит. Думает своими арбузами мир удивить!

Тимофей упрямо наклоняет голову и, глядя исподлобья, как бычок, внушительно говорит:

- Ну, арбуз и при коммунизме нужен.

- А как же! Без твоих арбузов разве коммунизм построишь?

- Постройшь. А с ними же лучше! Вот у нас южные сорта не вызревают, а я добьюсь, чтобы вызревали. И не брошу, пока не добьюсь. А ты свое радио бросишь?

- Сравнял! То ж техника!

Видно по всему, что спор этот возник давно и конца ему не предвидится. Миша взглядывает на солнце и поднимается.

- Я пошел: скоро на дежурство, - деловито говорит он. - Ты, арбузятник, пойдешь или останешься?

- Ну чего же я останусь? Я тоже пойду... Ты его не слушай, - говорит он Косте. - Приходи ко мне, сам увидишь...

- Ага! - подхватывает Нюра - Мы вместе придем! Да, Костя? Конечно, придем!

Тимофей и Миша делают несколько шагов и останавливаются.

- Нюрк, а Нюрк! - окликает Миша. - Попроси у батьки лодку, а? На ночь бы... Вот бы рыбы наловили!

- Не даст, - трясет головой Нюра. - Знаете что? Давайте вместе попросим! Я подготовлю почву - да? - а вы приходите, и попросим. Если вместе, может, даст...

- Ладно.

Ребята уходят в село, Костя и Нюра бегут домой.

НА ОСТРОВЕ

После обеда на берегу появляются Тимофей и Миша. В руках у них ведра, какие-то узлы, удочки. Но они не подходят к домику бакенщика, а скрываются на некоторое время за уступом берега, потом появляются снова, но уже с пустыми руками, и идут по берегу, словно прогуливаясь. Нюра тоже видит эти маневры и начинает "готовить почву":

- Тато, что, лодка не течет, которую мы смолили? А как ты думаешь, если бы вот я и Костя - мы бы с ней справились? Ну, например, чтобы переправиться через Днепр. Он уже совсем хорошо гребет. Да? Ну, не вдвоем, а втроем или вчетвером. Она же легкая! Ты сам говорил,

что на ней грудной младенец может плыть.

- Ты чего-то крутишь, Аннушка! - прищуривается Ефим Кондратьевич. Давай-ка уж начистоту. Что-то вон и дружки твои по берегу слоняются... Чего вы надумали?

Нюра пугается, что своей подготовкой она все испортила.

- Мы ничего не надумали! - оправдывается она. - Вот хоть у них спроси... Ребята, идите сюда!

Миша и Тимофей о чем-то переговариваются, потом Миша бежит к ним, а Тимофей остается на месте.

- Здравсьте, дядя Ефим! - весело кричит Миша еще издали. - Можно, да? Вся подвижная фигурка его выражает ликование и нетерпенье.

- Что можно?

Миша осекается, укоризненно и недоуменно смотрит на Нюру: какая же это подготовка?

- Да мы думали... Мы хотели на остров. Рыбу половить.

- А что вам здесь не ловится?

- Так здесь разве клёв? - Лицо и вся Мишина фигура изображают крайнюю степень презрения. - Здесь же клёву никакого нет. Вот на Старице - да! Мы и хотели на ночь...

- На ночь? - Ефим Кондратьевич даже присвистнул. - А кто же поедет?

- Ну, мы, - показывает Миша.

- Нет, так дело не пойдет. А Тимофей что, не хочет? Чего он там топчется?

- Он хочет. Только он говорит: я, говорит, не пойду, я не красноречивый, я все дело испорчу...

- А ты, значит, красноречивый?

Миша смущенно смеется, не зная, что ответить, и машет рукой приятелю, чтобы тот подошел.

- Вот что, - говорит Ефим Кондратьевич, - лодку я дам, только при одном условии... если примете меня в свою компанию.

- Да мы!.. Да разве!.. Да конечно! - в один голос вопят ребята.

- Ох, татко, ты ж у меня и хитрый, ты ж у меня и молодец! А когда можно? Сейчас? Ребята, тащите свои вещи!

- Вон вы какие запасливые! - усмехается Ефим Кондратьевич. - Вещи тащите, а поедем, когда я в объезд отправлюсь. Только ты, Аннушка, хлеба запаси на всю команду, а то улов будет ли, нет ли, а есть захочется.

- Я сейчас! Я и картошки, я всё!.. - выпаливает Нюра и вихрем летит домой.

Задолго до вечера все пожитки уложены в лодку. Ефим Кондратьевич добавляет к ним большое рядом и свой брезентовый дождевик. Жесткий дождевик гремит так, словно сделан из листового железа.

Как ни медленно ползет солнце по небу, оно наконец склоняется к круче, за которой прячется

село, и Ефим Кондратьевич дает команду садиться. Миша и Тимофей берутся за весла, Нюра вооружается кормовым, а Костя и Ефим Кондратьевич едут пассажирами.

- Ну, забирайте свои пожитки! - говорит Ефим Кондратьевич, когда лодка, шипя, въезжает носом на песчаную отмель острова. - "Ловись, рыбка, большая и маленькая..." Только уговор: в воду не лезть! Обманете - больше не поверю, и лодки вам не видать.

- Ну, станем мы обманывать, дядя Ефим! - рассудительно говорит Тимофей.

- Бывает...

- Ну, это когда было... - сконфуженно тянет Тимофей, а Миша делает вид, что он сверх всякой меры занят вещами и ничего не слышит.

- Да ведь с тех пор у вас усы-то не выросли! - смеется Ефим Кондратьевич и отчаливает.

- Это мы прошлым летом потихоньку хотели лодку взять, а дядя Ефим нас застукал. Ну, мы сказали, что она сама сорвалась, а мы ее поймали... Ну, а дядя Ефим не поверил...

- Ладно тебе! - обрывает приятеля Миша. - Теперь до утра будешь нукать... Бери мешок!

Тимофей, Нюра и Миша деловито пробираются через заросли тальника. Они озабочены лишь одним - выбрать место получше - и не интересуются окружающим.

А Костя охвачен волнением. За свою уже долгую, по его мнению, жизнь он бывал лишь на одном острове - Трухановом. Но что это за остров! Он весь застроен водными станциями, будками, киосками, утыкан щитами, на которых написаны "Правила поведения на воде". И народу там всегда больше, чем на Крещатике.

Здесь нет киосков и правил, водных станций и грибков. И ни одного человека. Самый настоящий необитаемый остров. Даже стрижи попрятались в свои норки, и лишь стайки мошкары танцуют над кустами в розовых лучах заходящего солнца.

Костя отстает от товарищей и сворачивает влево. Едва слышно шурша, под ногами осыпается сухой белый песок, а Косте видится, будто он пробирается то через сплетение лиан, то через мангровые заросли, под ногами у него грохочут обломки вулканической лавы или хлюпают коварные зыбучие пески. По Костиной спине пробегает холодок, даже шевелятся на затылке коротко остриженные волосы.

Костя подбирает с земли толстую кривую ветку, пригибается. Шаг его становится пружинистей. Он готов ко всему. Волков и медведей здесь нет, но змеи же могут быть... Косте видится, как, злобно шипя, гадюка напрягает свое тело, свернутое в кольца, и бросается на него, а он молниеносным ударом раздробляет ей голову и отбрасывает в сторону судорожно извивающееся тело... Или, например...

Заросли лозняка обрываются на берегу маленького заливчика. На ветках, листьях и всяком мусоре, прибитом волнами, сидит огромная лягушка и испуганно таращится на Костю, потом подпрыгивает и, перевернувшись в воздухе, шлепается в воду.

- Костя! Костя! Где ты? Ау-у! - доносится голос Нюры.

Костя отбрасывает палку и выпрямляется. С треском и шумом пробираясь через тальник к заливчику, выбегает Нюра. Лицо ее встревожено.

- Почему ты ушел? Я... мы так испугались! - негодуя говорит она, но, заглянув Косте в лицо, сразу меняет тон. - Ты думал? Да? Я тоже. Я, когда одна, как начну думать, как начну думать!.. А там Тимка уже окуня поймал. Вот такого! Нет, не совсем такого, ну, вот такого...

Пойдем!

Лов в самом разгаре. Тимофей, забросив удочки, сидит спокойно и смотрит на воду. Миша Цыганенок "переживает" за двоих. Он поминутно хватается за удилица, привскакивает, снова садится, сердито шипит на неподвижного Тимофея, когда у того клюет, то и дело меняет наживку, переставляет удочки, долго и азартно плюет на насаженных червяков и так суется, что, если бы от этого зависел улов, у него был бы уже полный кукан. Но на его кукане две маленькие красноперки, а у Тимофея их уже полдесятка и порядочный окунь.

- Что ты сидишь, чучело? Клюет... Клюет! Слышишь? - негодует Миша.

- Не, это она еще так, балует, - неторопливо говорит Тимофей. - Пусть заглотает... А ты не колготись, а то ничего не поймает... - Он неожиданно быстро и ловко подсекает, и в воздухе взблескивает живое серебро.

- Это разве ловля? - пренебрежительно, сквозь зубы, цедит Миша. - Сюда бы сетку - вот тогда да!

Всем понятно, что говорит он это просто от зависти и досады, что у Тимофея ловится, а у него нет. Он забирает удочки и переходит на другое место, чтобы не видеть удачливого Тимофея.

Костя и Нюра собирают большой ворох сухого тальника. Нюра загодя начинает чистить картошку, а Костя устраивается с удочками поодаль от Тимофея и Миши. Но то ли дядина снасть ему не с руки, то ли неудачно выбрано место, клюет у него плохо, он вылавливает три красноперки, и клёв кончается. Костя собирает свой жалкий улов и идет на другую сторону острова, к главному руслу. Здесь быстрое течение подмыло берег, у самого обрыва крутит, бучится вода над омутом. Костя насаживает на крючок маленькую красноперку и забрасывает удочку. С полминуты поплавок стоит неподвижно, потом сразу, вдруг, исчезает. Костя дергает удилице кверху - и стоном отчаяния провожает сорвавшегося щуренка.

Вторая красноперка насаживается на самый крупный крючок, и не успевает Костя забросить, как рыба едва не вырывает удилице у него из рук. Костя подсекает и начинает выводить, но добыча не поддается и рвет удочку. Обливаясь потом, холодея от страха и восторга, Костя слегка попускает и идет вдоль берега - сачка у него нет, рыбу взять нечем, а тащить на крутой берег нельзя - сорвется. Но вот наконец узенькая песчаная полоска. Костя прыгает вниз и подтаскивает добычу к берегу. Черная спина, огромная зубастая пасть, злобные стеклянные глазки. Кругом ни палки, ни камня. Костя рывком хватается под жабры и падает вместе с бьющейся щукой на берег.

Оборвав поводок, оставив удочки, Костя, обеими руками взяв щуку под жабры, несет ее перед собой, как кипящий самовар. Щука бьет его хвостом по животу, голым ногам и беззвучно хлопает пастью, из которой торчит поводок.

Испуганно-восторженный вопль Нюры и завистливое молчанье Миши слаще всяких похвал для Кости.

- Вот это да! - говорит подошедший Тимофей. - На удочку?

- На удочку!.. - задыхаясь от счастья, отвечает Костя.

- На живца?

- На живца!

- Здорово!

Тимофей тычет пальцем в обвисшее белое брюхо рыбы, она судорожно дергается и сильно хлопает его по руке.

- Ну зверь! - изумленно тянет Тимофей, отдергивая руку. Он всовывает в рот щуке ивовую ветку, рыба яростно хлопает челюстями, и Тимофей показывает измочаленный обломок: - Видал? А если бы палец?..

Брошенная на песок щука несколько раз подпрыгивает и затихает. Костя бежит за своими удочками. Кукан с последней красноперкой уплыл, но Костя о ней не жалеет. Тимофей и Миша снимают со своих куканов ершей для ухи. Солнце уже село, клёв кончился. Насадив живцов, Костя и Миша забрасывают удочки и крепко привязывают их. Это так, на случай, если подвернется сомёнок.

Нюра, подстелив тряпочку, чистит щуку. Костя берется чистить ерша, но осклизлая рыбешка, исколов ему все руки, так и остается недочищенной, и сконфуженный Костя передает ее Тимофею. Тот уверенно и неторопливо сбивает колючие плавники, потрошит, потом берет следующего, и, пока Нюра возится со щукой, все ерши оказываются очищенными.

Тем временем Миша разжигает костер. Сухие тонкие веточки вспыхивают, как спички, потом, шипя и постреливая, загораются толстые, зеленые. Над почерневшей гривой ивняка танцует пламя, отражение его бежит через все русло Старицы к противоположному берегу. Серые ветлы на нем потемнели и кажутся большими животными, притаившимися у воды.

От ведра, в котором бурлит закипающая вода, пахнет лавровым листом и перцем. Оголодавшие ребята глотают слюнки и следят за Нюрой, бросающей туда соль, картошку, рыбу.

Костя сидит в сторонке и смотрит на реку. Огненные отблески, черные ветлы, угрюмая холодная гладь Старицы превращаются в неясные, но волнующие картины. Окружающее незаметно тает, вместо него в полуяви-полусне возникают смутные, но грозные и упоительные видения неведомых миров, зверей и див, среди которых пробирается он, Костя. Ужасные опасности подстерегают его на каждом шагу, а он бесстрашно идет им навстречу... Вот далекий шорох, шум шагов, треск веток. Что-то огромное, темное движется к ним... Сердце у Кости замирает и куда-то проваливается...

- Ну, как улов, рыбаки? - слышит он голос Ефима Кондратьевича. - На уху наловили? Или на одной картошке будем сидеть?

- Наловили! Наловили! - кричит Нюра. - Ой, тато, Костя такую щуку поймал! Такую щуку!.. Ужас!

Нюра и Миша наперебой рассказывают об улове, о Костиной щуке. Костя тоже присоединяется к ним. Молчит один Тимофей. Он деловито помешивает уху, пробует и объявляет:

- Готова.

Такого вкусного варева Костя никогда не ел. Он ест до изнеможения, до пота, пока живот у него не вздувается, как барабан, и готов бы есть еще, но больше не лезет.

Ефим Кондратьевич расстилает на остывшем уже песке свой дождевик, рядом, они укладываются на нем ногами к костру, но спать никому не хочется.

- Что притихли, воробьи? - спрашивает Ефим Кондратьевич.

В костре громко щелкает, раскаленный добела уголь отскакивает в сторону, вверх взлетают искры. Нюра вздрагивает.

- Все равно как выстрелило... - смущенно говорит она.

- Эх, ты! - пренебрежительно оттопыривает губу Миша. - А если взаправду выстрелит? Умрешь от страха?

- Я? Я ничего не боюсь! Да, тато? Это неожиданно потому что, вот я и вздрогнула. А так нисколечко - пхи!

- А если бы ты в Корее жила? - говорит Тимофей.

- Ух, я бы этих фашистов!.. - грозит Нюра кулаками.

- Они всю сожгли ее, Корею, - строго говорит Костя.- Бомбами и напалмом. Это такой бензин, как студень. Ни городов, ни деревень не осталось. Вожатая нам читала, как американский журналист писал, что там вместо деревень остался только голубой пепел...

Ребята затихают. Им представляется никогда не виданная страна. С воем и ревом несутся самолеты, без конца падают бомбы, и всю страну, все горы и долины охватывает пламя, и вот уже ничего не остается, кроме серо-голубого пепла...

Косте становится стыдно своих выдумок. Зачем выдумывать всякие чудища и страхи, когда есть люди страшнее всяких чудищ? Он решает, что если уж идти в моряки, то обязательно в военные, а если не удастся, так просто в военную школу.

Должно быть, о том же думают и остальные, потому что вдруг Тимофей, набычившись, словно продолжая с кем-то разговор, упрямо говорит:

- Ну, а я в танкисты. Батько же у меня - танкист. Вот и я тоже, - и снова умолкает.

- Куда же еще? - насмешливо улыбается Миша. - Тебя только танк и выдержит! Вот и будет: со всех сторон железо, а посередке - дерево.

- Ладно... "Дерево"... Это не твои шарики-винтики вертеть.

- Да без этих шариков-винтиков твой танк - глухая и слепая коробка!

- Бросьте, ребята! - говорит Нюра. - А я буду... Я даже не знаю, кем я буду. Мне всего хочется! И геологом, и инженером, и ученым... Только, наверно, лучше всего - летчиком! Да? Я и сейчас, бывает, зажмурюсь, и кажется, что уже лечу...

- С кровати, - насмешливо добавляет Миша.

Нюра бросает на него презрительный взгляд:

- Ну и что же, что девушек не берут? А я добыюсь! Я прямо в Москву поеду, а добыюсь, вот увидите! - Большие глаза ее сверкают таким сердитым голубым огнем, что не остается никаких сомнений в том, что она добьется. Она поворачивается к отцу: - Правда, тато?

- Правда, Аннушка. Конечно, лучше, если дело выбрать по сердцу. Только настоящий солдат не перебирает, а если нужно - приставили его к какому делу, он там и стоит... А смелость и умение во всяком деле нужны, иначе и себя и других погубишь. У нас вот на миноносце был один случай...

- Дядя Ефим, а вы разве были во флоте? - загорается Миша.

- Был. На Балтике всю войну... Это еще в начале войны было, когда немцы в Прибалтику только ворвались, суда на приколе еще не стояли... Миноносец наш ходит в дозоре. Туман небольшой, самолетов бояться нечего, но воды берегись - немецкие подлодки шныряют, а

мин они набросали без счету! И всяких. Что было, то и бросали: и новые и старье всякое. Идем мы, вдруг сигнальщик кричит: "Справа по борту мина!" В самом деле плавает старушка, гальваноударная. Это такая, с рогульками. Ну вот. Расстояние порядочное, однако вахтенный начальник доложил командиру, переменял курс - миноносец отходит подальше, чтобы расстрелять ее. Но вахтенный не отдает команду, в бинокль смотрит. "Что-то, - говорит, - странная какая-то мина". И все тут смотрят на нее - кто в бинокль, кто в кулак, а кто просто так. Смотрят, смотрят, и все видят, что в этой мине что-то на особицу, а что - понять не могут. А один матрос - глаза у него лучше всякого бинокля работали подходит и говорит: "Разрешите доложить, товарищ лейтенант. Там на мине человек висит". Как так? Как может человек на мине висеть? Это не качели в детском садике, на таких качелях на небо взлетишь. Командир скомандовал спустить шлюпку - может, это какая фашистская подлая выдумка, и тогда ее надо разгадать, чтоб другие не нарвались, а может, и в самом деле какая отчаянная душа уцепилась. Но лейтенанту приказывает близко не подходить, людьми не рисковать, действовать по обстановке. Отошла шлюпка, подгребают осторожно к мине, не очень близко, а так, что все видно. В самом деле: висит человек на мине, за рогульки держится. И человек, по всему видать, наш: в тельняшке, и все обличье русское. Окликнули его - живой, голову поворачивает, а голоса не подает. Тут кричит ему один: "Эй, браток, хоть невеста и хороша, не торопись со свадьбой, успеешь обвенчаться! Подгребай сюда!" - "Отставить неуместные шутки! - говорит лейтенант. - Зубы над этим не скалят. Человек в обнимку со смертью плавает". Старшина ему кричит: "Бросай свою чертову цацку, греби сюда!" А он только голову поворачивает и "мама" сказать не может и не отрывается. Видно, руки у него как вцепились, так и зачленели, и голос и силы человек от холода или, там, от страха потерял. Что тут делать? На шлюпке не подойдешь и конец не кинешь - он может не ухватить, а ну как дернешь по этой рогульке - и его в пыль и от шлюпки ничего не останется. Тут один матрос и говорит: "Разрешите, товарищ лейтенант, попробую снять этого мореплавателя". - "Давай, - говорит лейтенант, - только осторожнее". Разделся тот, кончиком обвязался и поплыл. Кончик за ним понемножку травят. Подплыл он, видит: человек уже не в себе, понимать понимает, а сделать со своими руками ничего не может - зашлись. И голос пропал. Подплыть-то подплыл, а как его снимешь? Волна хоть и небольшая, а бьет, и эта чертова игрушка на ней танцует - не подступишься. Подплыл наш матрос к тому человеку со спины, вцепился рукой ему в волосы благо кудри густые да длинные, - а другой давай пальцы его разжимать. Намучился он с ним - прямо беда! Вода холодная, а ему жарко стало. Пальцы у того, как крючья, - совсем окостенели. Мало-помалу оторвал одну руку, потом вторую, отпихнулся изо всей силы ногами, а там на шлюпке следили - рванули конец к себе. Вот его тащат, он одной гребет, другой того держит. А у того руки так и застыли - поднятые кверху, вроде как у святых на иконах. А эта подлая мина хоть и тихонько, а за ними плывет - куда, значит, течение. Ну, тут на шлюпке тащат их за кончик, чуть не под водой, лишь бы поскорей. Подтащили, подняли их... Потом мину расстреляли, конечно. А человек тот отошел. Спиртом растирали и всякое такое. Отошел...

Ефим Кондратьевич зажигает погасшую трубку.

- А где тот матрос? Живой? - спрашивает Миша.

- Живой. По Днепру теперь плавает.

- А тот, что с мины его снимал?

- И тот живой... Ну, спите давайте, а я проеду, хозяйство свое посмотрю. Скорый на Херсон должен идти.

Ефим Кондратьевич уходит, а ребята долго молчат, и каждый думает об одном: а он сумел бы сделать то, что сделал этот отчаянный матрос? Им хочется думать, что - да, сумели бы и они, но сказать это вслух не решаются, потому что это было бы пустое бахвальство: на словах сумеет каждый, а вот попробуй на деле...

Так и не решив этого вопроса, Тимофей и Миша засыпают, а Костя никак не может уснуть. Ему представляется волнующееся хмурое море, окутанное легкой дымкой тумана, зловещий металлический шар с рогульками, танцующий на волнах, и человек, который вырывает у смерти уже обреченную, окоченевшую жертву...

- Костя! А Костя! - слышит он шепот Нюры. - А знаешь, это ведь тато про себя рассказывал. Он тогда матроса с мины снял. Только он не любит про это рассказывать. А приезжал к нему друг - тот самый, что на mine висел, они думали, что я сплю, и всё вспоминали, а я не спала и слышала...

Ошеломленный Костя широко открывает глаза и рот.

- Ага! - продолжает Нюра. - Все как есть слышала! Ты только у него не спрашивай, а то он рассердится. Я тогда утром спросила, так он сказал, что мне приснилось и чтобы я не приставала с глупостями.

- Вон он какой! - с чувством говорит Костя.

- У! Ты еще даже не знаешь, какой он... Он такой!.. - Нюра не находит слов и делает неопределенный, но очень взволнованный жест. - Я же, ты знаешь, найденная.

- Как - найденная?

- А так. Вот он вернулся с флота. Да? А ни мамы, ни меня нет. Он туда, сюда - нет, и всё. Мама же эвакуировалась, а куда - никто не знает. Эшелон ушел на восток. А сколько их было! И может, мы уже разбомбленные, может, нас уже нет? Да? А он не поверил и начал искать. Сколько он искал - ужас просто! И нашел! То есть нашел место, где мы раньше были, - в Кустанае. Только мамы уже не было... она умерла... - Голос Нюры вздрагивает. - А меня тоже не было. Меня сдали в детский дом, а он переехал, а потом снова переехал. И опять ему никак не найти. А он все-таки нашел. Всю Среднюю Азию изъездил и нашел! Это я уже помню, это в сорок шестом году было. И тогда он сказал: "Теперь, дочка, шабаш. Поехали до дому и будем жить вместе". Вот мы приехали и живем. Он потому и в бакенщики пошел. Он же матрос, мог на пароход или на море, а он не захотел, чтобы меня не оставлять. "А вдруг, говорит, - опять потеряешься!.."

- Хороший он у тебя!

- Ага. Вот только если бы мама была жива!.. Это хорошо, когда есть мама...

В голосе Нюры звучит глубокая печаль. Костя не находит, что сказать, чем утешить ее, и молчит.

- Тебе хорошо - у тебя мама есть! Расскажи, какая она. А?

- Что значит какая? - растерянно переспрашивает Костя. - Обыкновенная. Мама как мама...

Он будто ненароком меняет позу, отворачивается от костра, потому что лицо и даже уши его начинают гореть. С удивлением и стыдом он чувствует, что ему нечего сказать о своей маме, он ничего о ней не знает.

Вот папа - другое дело. Папа был убит на войне, когда Костя был еще маленький, но он хорошо знает, где служил капитан Голованов, какие у него награды и за что они получены.

А о маме он никогда не думал. Костя был слишком занят своими делами, чтобы думать о ней. И что же тут думать? Когда он просыпался, на столе стоял завтрак - это была мама. Приходил из школы - его ждал обед. Нужны были чистые рубашки, или новые башмаки, или пальто - они появлялись, и это тоже, конечно, была мама. Она делала все, что нужно было

Косте, а больше он ни о чем не думал. Если Костя баловался, обижал Лельку, мама сердилась и строго отчитывала его. Что же еще?

Свернувшись калачиком, Нюра давно уже спит, а Костя, сопя и ворочаясь, вспоминает и думает. И, оказывается, вспомнить можно многое.

Он смутно помнит себя еще совсем-совсем маленьким. Живут они не в Киеве, а в завьюженном, насквозь продутом буранами Барнауле. Зимой бураны могут человека свалить с ног, и он замерзнет, а летом ветер со свистом несет над городом песок и пыль. Как ни кутайся и ни прячься, песок всюду на вещах, на одежде, скрипит на зубах.

Зимой Косте нечего надеть, и на улицу его не пускают. Завернувшись в одеяло, он сидит у окна, смотрит на воюющие белые вихри и ждет маму. Приходит она поздно, закутанная во всякое тряпье, как матрешка, в огромных бахилах - пимах. Она толстая, но, раздевшись, оказывается маленькой и худенькой. Мама топит печку, кормит Костю, и, если ей не нужно опять идти в госпиталь, они садятся к теплой печке и немножко разговаривают.

Мама работает медицинской сестрой. Уходя на дежурство, она оставляет Косте вареную картошку или, изредка, кашу и хлеб. Хлеба мало, и мама просит есть его не сразу, а понемножку. Костя обещает. Но день длинный, ждать скучно, и от этого есть хочется еще больше. Костя щиплет его понемножку и незаметно съедает весь. Когда приходит наконец мама, Костя голоден, как хозяйский Шарик. Он ест и ест и, только наевшись, вспоминает:

"А у тебя, мама, разве нет хлеба? Почему ты одну картошку?.."

"Ешь, ешь, - улыбается мама. - Мне не хочется. И потом, тебе надо расти, а я уже большая, выросла..."

Иногда, проснувшись ночью, Костя видит, что мама сидит у коптилки, и плечи ее вздрагивают. Это потому, что от папы долго нет письма, и мама беззвучно плачет над его старыми письмами. Костя начинает нарочно громко ворочаться, мама гасит коптилку, ложится рядом с ним, и он, согрившись, засыпает.

Когда с фронта приезжал папа, Косте было не до мамы. Он примерял папины медали и погоны, расспрашивал про войну и всюду ходил за ним. Он помнит, что мама тогда стала еще красивее и была веселее всех. Она бегала и смеялась, как маленькая девочка, тормозила Костю и постоянно пела. Папа провожал ее счастливыми глазами и тоже смеялся...

А когда папа погиб, она стала опять такой, как в Барнауле. Только еще бледнее и печальнее. Косте тогда было шесть лет, а Лелька еще лежала в коляске. Марья Афанасьевна, соседка, приходила к ним, останавливалась у порога и, пригорюнившись, жалостливо смотрела на Лельку и Костю. "Сиротки вы, сиротки! Как же вы теперь будете?" - приговаривала она.

Однажды мама рассердилась и сказала ей:

- Марья Афанасьевна, я попрошу вас детей моих не жалеть - у них есть мать!

Она кончала тогда институт и каждый день ходила на лекции. Когда прибыло извещение о гибели папы, она опять начала работать медсестрой и все-таки ходила в институт. Приходила она поздно, и случалось, что, вернувшись из школы, Костя не находил обеда, а мама сидела у стола, закрыв глаза и опустив руки. Костя сердито швырял свою сумку с книгами и бурчал, что вот учишься, учишься, а поесть вовремя не дадут!

"Не сердись, Костик, - устало говорила мама. - Я сейчас..."

Костя наедался и убегал к товарищам, а когда возвращался, мама что-нибудь шила или стирала. И Костя удивлялся: что это такое, что мамы вечно шьют и стирают, как будто нет

дела интереснее!

Иногда мама просила Костю поиграть с Лелькой или убрать комнату. Костя возмущался и ехидно спрашивал:

"А кто будет за меня уроки учить? Лелька, да?"

Мама ничего не говорила и убирала сама...

Костя долго ворочается на гремящем дождевике, но, как бы он ни лег, все ему жестко и неудобно. Он дает себе множество обещаний и честных слов и, вконец истомленный стыдом и запоздалым раскаянием, засыпает.

А КАКОЕ У ТЕБЯ ПРИЗВАНИЕ?

- Костя! Вставай же, Костя! - будит его Нюрин голос. - Ребята уже давно ловят. Ты всегда так долго спишь? Да?

Костя сразу же вспоминает вчерашний разговор, и у него пропадает охота вставать, ловить рыбу. Он ничего не отвечает и поворачивается на другой бок.

- Не хочешь - как хочешь, - решает Нюра. - Я тогда сама буду ловить.

Костя слышит, как она собирает удочки и уходит. Тогда он поднимается. Пусть уходит! Очень нужно, чтобы она опять заговорила про вчерашнее!.. Солнце еще не взошло, но уже почти совсем светло. Над рекой опять тает легкая дымка тумана. Поеживаясь от прохлады, идущей с реки, Костя пробирается к ухвостью острова. На берегу Старицы сидят рыболовы: неподвижный Тимофей, суеющийся даже сидя Миша и Нюра.

Снизу по темной и неподвижной еще реке идет лодка. Это Ефим Кондратьевич завершает утренний объезд бакенов.

- Дядя Ефим! - кричит ему Костя. - Возьмите меня с собой!

Ефим Кондратьевич причаливает, Костя прыгает в лодку, и они плывут дальше. Дядя на весла Костю не пускает: у него еще не сошли водянки; Костя берет кормовое, правит и изредка, где нужно, подгребает. Они оба молчат и работают.

Косте приятно это спокойное мужское молчание, приятно погружать весло в темную тугую воду, слышать ее курлыканье под веслами и смотреть на бегущую навстречу им широкую водную гладь.

Кланяющийся красный бакен Чертова зуба остается позади - они погасят его на обратном пути, - уплывает назад остров. Они гасят огни на белых бакенах, потом переваливают к правому берегу, пускают лодку по течению и один за другим гасят красные.

Рыболовы уже поджидают их на берегу. Нюра приплясывает от нетерпения и размахивает живой сверкающей низкой - своей добычей. Миша о чем-то спорит с Тимофеем, который неторопливо снимает рыб с кукана и бросает в ведро.

Тимофей и Миша снова садятся на весла, а Нюра, захлебываясь и давясь словами, рассказывает, какие огромные рыбыны срывались у нее с крючков. Тимофей добродушно усмехается, а Миша дразнит Нюру и говорит, что она не умеет отличить голавля от головастика, а тоже садится ловить.

Лодка пристает к берегу, Тимофей и Миша берут свои ведра с уловом.

- Так ты приходи, Костя! - говорит Миша. - Я тебе радиоузел покажу.

- Ага, приходи, - подтверждает Тимофей, - мы тебе все покажем.

Они уходят, но, сделав несколько шагов, спохватываются и кричат:

- Спасибо, дядя Ефим! Можно, дядя Ефим, мы еще придем?..

Ефим Кондратьевич подтаскивает лодку повыше на берег. Костя ему помогает. После ночного разговора ему хочется делать все так, чтобы это было приятно дяде. Не то чтобы он заискивал или рассчитывал на похвалу - и без всяких похвал Косте приятно помогать ему и даже просто быть возле него.

Прибрав инвентарь, дядя идет отдыхать - ночью он не спал, - Нюра опять моет пол, потом собирается что-то стряпать, и Костя остается один. Он купается, ныряет, но одному купаться скучно, а нырять, когда никто не видит твоего полета, и вовсе не интересно.

Костя устраивается на корме лодки, стоящей у берега, опускает ноги в воду и смотрит на реку. Какая она все-таки большая! В Киеве, особенно если смотреть сверху, с Владимирской горки, или из Первомайского сада, она кажется узкой и тесной. В середине и конце лета песчаный выплеск Труханова острова подходит чуть ли не к самому правому берегу, а причалы на нем становятся похожими на длинные недостроенные мосты - так мелеет и сужается река. Между быками бывшего Цепного моста, подвернув штаны, бродят рыболовы. И, если бы Костя не опасался, что мама узнает и ему влетит, он бы свободно переплыл с берега на берег. Конечно, не один, а, скажем, вместе с Федором.

Здесь не переплывешь. Если опустить голову к воде, левый берег кажется совсем низеньким и очень далеким. Он и в самом деле далеко, даже грести устаешь. И течение быстрое. Журчащие струи все время мягко и упруго выталкивают Костины ноги на поверхность; у самого дна вытянулись и дрожат, как струны, зеленые нити речной травы.

Костя пробует представить себе, как от сверкающей ряби на поверхности до темного дна, где, поводя усами и отдуваясь, лежат в ямах сомы, от этого гористого, коренного, до левого, низменного, берега, во всю эту ширину и глубину идет тугая, упругая толща вод. Идет ежеминутно, ежечасно, из года в год, зимой и летом, ни на секунду не останавливаясь, не иссякая.

Раньше река была для Кости местом, где купаются, ныряют с вышки, загорают, катаются на лодках и катерах. На уроках географии учитель говорил, что это "водные пути" и "белый уголь", но эти слова оставались сами по себе, а на первом плане были обжигающий песок пляжа, сплясавшие зайчики на воде и трепещущие на леске красноперки.

Теперь река выглядит иной. Спокойно несет она свои воды, и, как ни бороздят ее волны, как ни кромсают колесами и винтами пароходы, она остается такой же спокойной и величавой.

А пароходы идут один за другим. Большие и маленькие. Белые и нарядные - пассажирские и серые - буксиры. Одни идут торопливо и легко, в одиночку, другие грузно, с натугой тащат вереницы барж или плотов. Каждый раз на подходе к острову сверху они гудят строго и предостерегающе: "Посторонись, иду-у-у!" И сразу же за каменной грядой берега широко распахиваются - плыви, мол, не задерживайся...

Нюра кончает стряпню, будит отца и зовет Костю завтракать.

- Тато, мы к бабушке в село ходим, - говорит Нюра. - Ладно? Да? А то я уже сколько не была, просто ужас! Она же к нам прийти не может. Да? Ей потом на гору не влезть. А мы сбегает. И к ребятам. Обед я приготовила, и ты разогреешь. Да?

И вот они идут по луговине к Гремячему яру. Из-под ног брызжут кузнечики, над головами вьются столбики мошкары. Где-то в Старице, заросшей травой, квакают и стонут лягушки. Нюра то и дело нагибается, рвет скромные блеклые незабудки, фиолетово-синий мышинный горошек и похожий на яичницу-глазунью бело-желтый поповник. Цветы тонко и нежно пахнут свежестью реки и сеном.

Широкая, заросшая травой улица пустынна. Только посередине, там, где колесами и копытами дорога взбита, как пуховик, взрываются пыльные клубы. Там куры ныряют в пыль, встряхиваются, ошалело смотрят по сторонам, сипят и снова ныряют. В тени плетней и вишняков, вывалив розовые языки и хакая, лежат разомлевшие от зноя собаки. Они провожают взглядом Нюру и Костю и опять закрывают глаза. Только один большой пес приподнимается, лениво бухает простуженным басом и вертит лохматым хвостом в прошлогодних высохших репьях, словно не может решить, рассердиться ли ему и залаять как следует, или надо, наоборот, приветствовать их. Однако и для того и для другого слишком жарко. Нюра и Костя не обращают на него внимания, и, покружившись на одном месте, он снова ложится.

Хата бабушки - в глубине двора. Ее совсем не видно за розовыми кустами, красными, лиловыми стрелами мальв, львиного зева.

Бабушку, маленькую, сморщенную старушку с выцветшими, но когда-то, должно быть, такими же голубыми, как у Нюры, глазами, они находят на огороде.

- Внучка пришла? - говорит она, и морщинки на ее лице разбегаются в радостной улыбке, словно улыбается каждая из них. - От и добре, що пришла! А це хто?.. А, Юхимовой сестры сынок. От який гарнесенький!.. Здрастуй, здрастуй!.. Ну, ходимте до хаты.

После зноя улицы в хате кажется прохладно и сумеречно от вишен, заслонивших окна.

- Ну от, сидайте, молочка выпейте... Як вы там з батькой хозяйнуете?

Пока из Нюры словно взапуски выскакивают слова, бабушка ставит на стол молоко, хлеб.

Костя пьет сначала из вежливости, потом наливается молоком, пока в животе у него не начинает бултыхаться. Ему нравится и маленькая прохладная хатка, и ласковая, тихая бабушка.

- Мы пойдем, бабуся! - вскакивает Нюра. - Нам еще и к Мишке надо, и к Тимке...

- Бижить, бижить, - кивает бабушка. - Тильки потом заходьте, я вам сметанки наготувала...

Знойная улица кажется такой длинной, что Косте тоже под конец хочется повалиться под плетень, высунуть язык и истомлено хакать, как разомлевшие собаки.

- Уже скоро... Вот уже пришли, - говорит Нюра.

Небольшой домик под черепицей с распахнутыми настежь окнами, как и всё здесь, прячется в тени деревьев. На двери висит строгая табличка: "Посторонним вход воспрещается".

- Как же мы?.. - недоумевает Костя.

- Ничего... Сейчас! - говорит Нюра и пронзительно свистит.

В окне появляется прихрамывающий молодой парень в выгоревшем от солнца кителе без погон и со светлым, тоже выгоревшим чубом.

- Что еще тут за свистуны? - притворно хмурится он.

- Это я, Федор Павлович, - смущенно улыбается Нюра. - Это я Мишу зову. Он здесь? А можно нам ваш узел посмотреть? Я уже видела, а он - нет. Это мой двоюродный брат. Он сын моей тети... У тато сестра - так она его мама.

- Тоже радист?

- Нет, он не радист. Мы только посмотрим и ничего трогать не будем. Вот честное пионерское!

- Не будете? - прищуривается Федор Павлович. - Михайло! - окликает он. - Тут твои дружки пришли.

Миша выходит на крыльцо и ведет их в домик. Он старается двигаться медленно, говорить неторопливо и солидно, явно подражая Федору Павловичу, но ему это плохо удается.

- Вот смотрите, - говорит он, - это приемное устройство, это усилитель. Принятые антенной радиоволны идут сюда, здесь они усиливаются, а потом... Нюрка, убери руки!.. идут по радиоточкам. Питание у нас свое, от колхозной электростанции...

Комната уставлена железными шкафами и шкафчиками, покрашенными в светло-серый цвет. На них множество всяких ручек и кнопок. Косте, как и Нюре, хочется потрогать их, но он удерживается. Если бы еще был один Миша, а то тут же сидит этот Федор Павлович и, отставив левую ногу - должно быть, на протезе, - ковыряет отверткой в какой-то замысловатой штучке, из которой в разные стороны торчат обрывки разноцветных проводов. На столе перед ним стоит коробка репродуктора, и в ней тихонько шепчут что-то разные голоса, булькает музыка.

- Раньше мы только транслировали московские, киевские программы. А сейчас оборудовали студию и теперь можем сами передавать и доклады, и самодеятельность, и всё... И председатель и бригадиры могут наряды прямо по радио давать. Раньше чуть что - беги по хатам, а теперь взял микрофон - и пожалуйста: "Яков Лукич, как у вас там яровой клин? Жмите, жмите давайте! Чего? Косилка сломалась? Сейчас... Кузница? Кузьма Степаныч! Слетай посмотри, что там у Лукича с косилкой..." Здорово?

- Здорово! - соглашается Костя. - А ты чего делаешь?

- Дежурю. Федору Павловичу помогаю. Поправляю чего надо. Я все умею!

- Михайло, не задаваться! - не поднимая головы, говорит Федор Павлович.

- Есть не задаваться, Федор Павлович!.. Ты сколько тут будешь?.. Мало... А то я бы тебя научил. У нас радиокружок, пятнадцать человек. Ну, все изучают, а самые лучшие...

- Михайло... - предостерегающе доносится от стола.

- Есть, Федор Павлович... Ну, те, которые лучше разбираются, - те дежурят на радиоузле. Нас таких четверо. Вот мы по очереди и дежурим. А ты в кружке работаешь?

- Нет. У нас дома приемник. "Рекорд".

- Ну, "Рекорд"! Это разве приемник... Вот "Радиотехника" - это да!.. А на радиостанции ты был?

- Разве туда пускают?

- Одного не пустят, а с экскурсией пустят. Правда, Федор Павлович? Ух, я бы на твоём месте!.. - Лицо и вся подвижная фигурка Миши выражают такой стремительный порыв, что

без слов становится очевидным, как много бы он сделал, будучи на месте Кости.

- Киевская кончилась, переключай на Москву, - говорит Федор Павлович.

- Есть!

Миша подлетает к щиту первого металлического шкафа, переключает какие-то рычажки, крутит маленькие черные диски с насечкой по краям. Из репродуктора на столе оглушающе гремит бас, потом, словно поперхнувшись, затихает, вместо него звучит оркестр, он с громом и стуком изображает, как быстро-быстро пилят дрова.

- Американский джаз, - смеясь, оборачивается Миша.

Пилка дров затихает, ее вытесняет спокойный голос московского диктора.

- Пошли, - говорит Нюра.

Косте нравится здесь, и уходить ему не хочется, не узнав назначения всех рычажков, лампочек и ручек, но он стесняется молчаливого Федора Павловича, который копается в ощетинившейся проводом штучке. Они прощаются с ним и уходят. Миша провожает их на улицу,

- Ты приходи к нам, - говорит он. - Я тебя всему научу! Хочешь? У тебя как по физике?.. Ну, тогда проще простого... В два счета научу!

- Михайло, не задаваться! - голосом Федора Павловича говорит Нюра и прыскает.

- Ничуть я не задаюсь, а просто... Попробуй-ка сама!.. А Федора Павловича ты не бойся, Костя, он хороший...

- Ага, задавак не любит! - вставляет Нюра, но Миша даже не смотрит в ее сторону.

- У него, видал, вместо левой ноги протез. Он сам сделал. Лучше всякого фабричного. У него орденов знаешь сколько!.. А вы куда? К Тимке? Арбузы-репы смотреть?..

Тимофея они находят в большом тенистом саду за каменным двухэтажным зданием школы.

Он неторопливо ходит от дерева к дереву, осторожно нагибает ветки и осматривает зеленые, словно поросшие пухом шарики плодов.

- Здравствуй, Тимка! - кричит Нюра. - Мы пришли! Здравствуй!..

- Здорово! - улыбается Тимофей, и сейчас же лицо его становится строгим. - Только по деревьям не лазить и ничего не рвать.

- Очень нам нужно! - оскорбляется Нюра.

- Нужно не нужно - я предупреждаю. А то больше не пущу.

- Где же твои арбузы? - спрашивает Костя.

- Я не только арбузами занимаюсь, я и грушами занимаюсь. У меня трехлетка по грушам.

- Как - трехлетка?

- Ну, трехлетний план. Понимаешь? Во время войны за садами уход какой был? Никакой. Немцы садов повырубили сколько? Потом зимы были знаешь какие! Люди замерзали, не то что деревья. Ну, а груша - дерево нежное, теплолюбивое. Вот всякие бэры, дюшесы и

вымерзли. Восстановить надо? Надо. А что? Опять бэры и дюшесы? Стукнет мороз - они опять померзнут. А по селам, в колхозах, у колхозников сохранились местные сорта, они выжили. Вот, значит, надо их разыскать, культивировать, распространить...

- Что же ты, по всей Украине будешь ездить?

- Ну зачем? Разве я один? Нас знаешь сколько, юных мичуринцев? Ого! Вот я тебе покажу письма - у меня знакомые чуть не по всем областям есть. То есть так, по письмам, знакомые. Ну, мы обмениваемся семенами, опытом... Пойдем вот, я тебе покажу. Мне один из Кировограда прислал семена, так дерево уже вот такое...

Тимофей показывает Косте множество саженцев, называет их сорта, откуда присланы семена и рассказывает, как он, Тимофей, их выхаживает и воспитывает. Костю это не очень занимает: все деревья, по его мнению, одинаковы, разница только в том, что одни побольше, другие поменьше. Однако он слушает и удивляется Тимофею. Тимофей здесь совсем не такой, как на реке. Он остался таким же неторопливым, но ни сонным, ни ленивым его не назовешь. Основательно, по-хозяйски, он шагает между саженцами, говорит уверенно и спокойно о вещах, Косте не известных, и даже почти не нукает.

- Постой! - вдруг спохватывается Тимофей. - А где Нюрка? Ну, я ей сейчас дам!..

Но Нюра уже идет им навстречу, старательно любясь не то верхушками деревьев, не то плывущим над ними перламутровым облаком.

- Ты где была? - подозрительно спрашивает Тимофей.

- Ходила, смотрела, - пожимает плечами Нюра. - Уже и это нельзя, да? Пойдем отсюда, Костя!

- Нет, стой! Покажи язык.

- Вот еще! Зачем это я буду язык показывать?

- Показывай! Ну?

- Ну на! - высовывает Нюра язык, предательски почерневший от вишневого сока. - Жалко стало, что я две вишенки съела? У тебя воробьи больше поклевали...

- То воробьи. А ты не воробей, а пионерка.

- А ты - жадина!

- О чем вы, ребята? - раздается звонкий грудной голос.

Рядом на дорожке стоит молодая женщина в цветастом платье и смеющимися серыми глазами смотрит на них.

- Пусть она сама скажет, - буркает Тимофей.

- И скажу, - упавшим голосом говорит Нюра. - Мне, Елена Ивановна, очень захотелось попробовать... Я всего две штуки и сорвала, а Тимка уже кричит. Там воробьи вон сколько поклевали, а ему двух штучек жалко!..

- Ему не жалко, конечно. Просто раньше времени рвать нельзя. И ты больше не будешь, правда?.. Вот и хорошо. А ты кто? - поворачивается Елена Ивановна к Косте.

- Костя.

- Тоже юный мичуринец?

- Н-нет.

- А кто же? Юннат, юный техник?

- Нет. Я просто так...

- А-а... - улыбается Елена Ивановна и поворачивается к Тимофею.

Они наклоняются над чахлым саженцем бумажного ранета и обсуждают, что с ним делать. Елена Ивановна предлагает его заменить, а Тимофей, упрямо набычившись, настаивает на том, что заменять не надо, он берется его воспитать, и тот еще покажет, будьте покойны!

- Хорошо, - говорит Елена Ивановна, - на твою ответственность.

- Ладно, - спокойно и уверенно соглашается Тимофей.

- До свиданья, ребята! До свиданья, Костя-Просто-Так! - снова улыбается Елена Ивановна и уходит.

- Пойдем, - говорит Тимофей, - теперь я тебе свои арбузы покажу.

- Не хочу! Я домой пойду! - внезапно рассердившись, отвечает Костя.

- Ну ладно, в другой раз.

- И в другой не хочу. Нужны мне ваши ранеты и арбузы!..

Он поворачивается и напрямик, а не по дорожкам, идет из сада. Нюра бежит за ним. Тимофей озадаченно смотрит им вслед, потом опять склоняется над хилым саженцем.

Костя буравит ногами горячую бархатистую пыль дороги и ищет, на чем бы сорвать досаду, однако нет даже камня, чтобы запустить в собаку. Нюра идет сзади и тоже молчит. Только когда село остается позади, у обрыва Гремячего яра Костя видит грудку комьев глины и начинает сердито швырять их в яр. Раздражение мало-помалу спадает, но неприятный осадок остается.

- Ну и пусть! - бормочет он, швыряя последние комья.- Подумаешь!..

- Ты что, Костя? А? - озабоченно спрашивает Нюра. - Ты на кого рассердился? На Тимку, да?

- Ни на кого!.. Пошли домой.

Они сбегают в яр, выходят на луговину. Опять брызжут из-под ног кузнечики и висят столбики мошкеры над головами, но веселое, радостное настроение не возвращается. Костю раздражают и кузнечики и мошкара, а лягушек он бы всех передал, чтобы они и не пискнули больше.

- А почему я должен быть кем-то? - вдруг поворачивается он к Нюре. Захочу - и буду, а не захочу - не буду!

- Так разве я что говорю? - недоумевает Нюра.

Но Костя не слушает.

Почему, в самом деле, он должен быть обязательно мичуринцем? А он вот хочет быть не мичуринцем, а моряком!

- Да ведь тебя никто не заставляет.

- А чего она смеется?

- Кто?

- Ну, эта ваша... учительница.

- Она и учительница и старшая пионервожатая.

- Ну и пусть! А Мишка и Тимка... Чего они задаются?

- Так они же ничего не говорили!

- Ну, не говорили, а все равно задаются, что они умеют, а я - нет... Подумаешь! Я знаю и умею побольше их...

Костя действительно знал и умел делать множество вещей и про себя этим гордился. Он знал всех знаменитых киноактеров, знал поименно почти всех мастеров спорта, а многих - и в лицо; футболистов киевского "Динамо" он узнавал по походке, со спины; никто лучше его не мог разобраться, почему левый край "промазал" и как капитан команды обводит противника; он наизусть знал все марки автомашин - советские и иностранные; сделал сам аквариум, а если рыбки в нем подошли, то виновата хлорированная водопроводная вода, а не он; а когда он собирал марки, так у него были такие, что даже из девятого класса приходили с ним меняться. Лучше его в пятом "Б" никто не умеет плавать кролем, а "ласточка" получается лучше только у его друга Федора.

Конечно, Костя знает и умеет столько, сколько не знают все эти Мишки и Тимки, вместе взятые, но почему-то это нисколько Костю не утешает. И он наконец догадывается почему: оказывается, Миша и Тима делают то же, что и взрослые, а он, Костя, - нет. Ну, конечно, не совсем, как взрослые, однако дело-то у них одно и то же...

- Их просто заставляют, вот и все! - говорит он вслух.

- Кого, Тимку и Цыганенка? - догадывается Нюра. - Попробуй их заставь! Никто их не заставляет, им самим интересно - вот они и помогают... И чего ты сердишься? Тебя ведь не заставляют.

Нет, конечно, не заставляют... Ему много раз предлагали вступить то в один, то в другой кружок, но Косте в кружок идти не хотелось - ему казалось, что это похоже на уроки: тоже есть расписание, задания... Так и получилось, что почти все ребята были заняты каким-то делом, увлекались им, а Костя был сам по себе. В зоопарке он видел, как паренек, вроде него, Кости, возился с медвежонком, должно быть юннат. А Сергей Казанцев ходит в Дом юных техников и строит паровую машину. В двадцать пятой школе есть общество юных историков, и они каждое лето ездят куда-нибудь в экспедицию. Костя подумывал было вступить в это общество, чтобы ехать в экспедицию, но для этого нужно было написать историческую работу, а писать Костя не захотел.

Увлекался он не раз. Узнав о чем-либо новом увлечении, Костя загорался тоже, но быстро остывал и бросал ради нового занятия, чтобы без сожаления оставить вскоре и его ради третьего. Все его захватывало, но ненадолго, и проходило бесследно. "Это не мое призвание", - решал про себя Костя и успокаивался.

А какое же у него призвание? И что значит - "призвание"? Кто и что его призовет? Куда? И когда это будет?

Костя до вечера мрачно лежит на берегу, отмахивается от Нюры и ищет свое призвание. Оно

так и не отыскивается, приходится идти ужинать и ложиться спать.

А утром прохладная, прозрачная вода, слепящее солнце смывают мрачные мысли, и Костя опять становится самим собой: загорает, купается, пробует добраться к гнезду стрижа, но только зря обдирает колени на крутом откосе. Приходят Миша и Тимофей, и в мелкой песчаной затоке они начинают сооружать плот из плавника. Набухшие коряги, обломки дерева сами-то плавают, но удержать на себе никого не могут и тонут вместе с отважными мореплавателями.

Бегут дни. Костя катается на лодке с ребятами, а иногда - недалеко - и один. Гребет он уже хорошо и однажды с удивлением обнаруживает, что на руках у него вместо вялого пучка мускулов появились маленькие, но твердые бицепсы. Изредка он заглядывает в Нюрино зеркальце - там показывается облупившийся нос, выгоревшие, как прошлогодняя трава, брови, и Костя заранее прикидывает, кто сильнее загорит: он или Федор.

Они так сдружились вчетвером, что Костя с грустью думает о том, что все-таки придется расставаться с новыми друзьями. А как хорошо было бы, если бы они все четверо жили в Киеве! Если к ним добавить еще верного боевого друга Федора, это была бы такая компания, что лучше не сыщешь.

Все было хорошо, но время от времени в самый разгар игры Миша убегает дежурить на радиоузел, Тимофей - к своим саженцам, а Нюра спохватывается, что еще надо варить, прибирать и вообще заниматься всякими хозяйственными делами. Костя остается один, и у него портится настроение. У всех есть какое-то дело, все чем-то заняты, один он болтается без всяких занятий, только купается и загорает. Его снова одолевает неловкость оттого, что он Костя-Просто-Так и до сих пор не нашел своего призвания, потому что до того, пока он станет моряком, еще очень далеко, а сейчас он никак не может определиться.

СПЕЦИАЛЬНОЕ ЗАДАНИЕ

Ребята зовут Костю к себе, он долго не соглашается: ему еще слишком памятна его растерянность и неловкость оттого, что все при деле, а он - так себе. Постепенно воспоминание об этом становится менее острым, и однажды перед вечером он соглашается сходить с Нюрой к бабушке. Однако к бабушке они попадают не сразу.

Лишь только Нюра и Костя входят в село, мимо них пулей пролетает рыжий мальчишка. Он отбегаёт довольно далеко, потом, спохватившись, оборачивается, азартно машет им рукой, кричит:

- Что плететесь! Айда скорее! - и бежит дальше.

- Чего это он? - спрашивает Костя.

- Не знаю. Это Сенька Журило. Случилось что-нибудь или что? Побежим, а?

- Побежим!

Взрывая пыль, распугивая ошалело кудахчущих кур, они бегут по улице, пока их не останавливает Миша:

- Стойте! Еще рано...

- Чего рано?

- В школу рано. Вы ведь туда?

- Мы не знаем. Сенька кричал "скорее", мы и побежали.

- Эх, вы! Ничего не знаете, а бежите! - насмешливо улыбается Миша. Нет, видно, мне надо взяться за вас и радиофицировать.

- Михайло, не задаваться!.. - голосом Федора Павловича говорит Нюра.

- Я не задаюсь, а надо радио слушать! Я сам по радио объявлял.

- Что?

Миша останавливается, делает строгое лицо и, глядя мимо Нюры и Кости, торжественно, немного нараспев объявляет:

- "Внимание, внимание! Говорит сельский радиоузел. Пионеры отряда имени Саши Чекалина должны собраться сегодня в школе к восемнадцати ноль-ноль для выполнения специального задания". Вот что! Понятно?

- Нет, непонятно, - говорит Костя. - А какое задание?

- Ишь, ловкий! Кто же специальное задание разглашает? Это же как военная тайна!

Костя конфузится и умолкает. Нюра приходит ему на выручку:

- Ох, Мишка, опять ты нос дерешь! Сам небось ничего не знаешь, а тоже туда же... Ведь не знаешь, да?

- Это дело наше - знаем или нет, - многозначительно возражает Миша, однако больше не спорит.

Хотя в школу они приходят задолго до шести, там уже много ребят. Миша сразу же куда-то исчезает, Нюра "на минуточку" уходит к подружкам и не возвращается. Костя остается один. Незнакомые мальчики и девочки исподтишка с любопытством разглядывают Костю, но, как только он оглядывается, отворачиваются и делают вид, что Костя их совершенно не интересует. Под этими взглядами он чувствует себя очень неловко, ему кажется - спина у него стала деревянная, а руки и ноги чужие, и, когда появляется Тимофей, он бежит ему навстречу с такой радостью, словно виделись они не вчера, а несколько лет назад.

Следом за Тимофеем, оглядываясь по сторонам, неторопливо ковыляет второй, маленький Тимофей - толстый мальчуган лет пяти. Штаны у него держатся на помочах - перекинутой через плечо поверх рубашки узкой матерчатой ленте, застегнутой на огромную перламутровую пуговицу. То ли не доверяя помочам, то ли боясь потерять свою необыкновенную пуговицу, мальчуган идет, держась за нее обеими руками.

- Братишка? - спрашивает Костя.

- Ага. Вот увязался на мою голову! Слышь ты, прилипало! Иди, не отставай, а то сейчас домой отправлю!

Мальчик неторопливо приближается к ним и во все глаза начинает рассматривать Костю.

- Как тебя зовут? - спрашивает Костя.

Тот долго молчит, продолжая разглядывать, потом надувается, выпучивает глаза и выдавливает из себя:

- Горка...

- Здравствуй, Горка-Егорка! Ты зачем пришел? В пионеры хочешь? Да? подбегает и принимается тормозить его Нюра.

Егорке щекотно, он хохочет и брыкается:

- Ага! Пусти! Не щекотай...

- Отряд, стройся! - командует невысокий большелобый мальчик с нашивками на рукаве.

Нюра и Тимофей отбегают, Костя и Егорка остаются одни. Отряд выстраивается на песчаной дорожке,

- Смир-рно!..

От школы идут Елена Ивановна и высокий, худощавый мужчина с близко поставленными, запрятанными в подбровье глазами. Пышные усы старят его, на самом же деле он молод. Услышав команду на линейку, он подтягивается и шагает четко, по-военному. Большелобый мальчик делает несколько шагов им навстречу, вскидывает руку в салюте:

- Отряд имени Саши Чекалина построен в полном составе! По неизвестным причинам не явились трое! Рапорт сдан!

- Рапорт принят! - салюует в ответ Елена Ивановна. - Будьте готовы!

- Всегда готовы! - гремит линейка.

- Вольно, ребята! - негромко командует Елена Ивановна. - Очень хорошо, что вы так аккуратно собрались. Колхоз обратился к нам с просьбой о помощи. Для нас это - почетное задание, наш долг! И мы ему, конечно, не откажем, правда?

- Всегда готовы! Конечно! Ясно! - кричит линейка.

- А сейчас бригадир Иван Кузьмич расскажет вам, в чем эта просьба.

Иван Кузьмич одергивает свою выгоревшую гимнастерку, оглядывает строй:

- Такое дело, ребята... Сейчас, вы знаете, время горячее, каждая пара рук на счету, и оторвать с поля мы никого не можем. Ну, а свиньи и прочая живность, - усмехается он в усы, - лезет во всякую щелку, ищет, где смачнее. Товарищи колхозники обижаются: надо, мол, плетни заделать, где прохудились. И правильно обижаются, конечно: заделать надо. Кроме того, клуню надо подремонтировать. Что для этого требуется? Требуется для этого дела исключительно лоза. На Старице, на острове ее - завались, а послать нам некого - это же двух-трех человек надо на целый день оторвать. Нарубить лозы - дело нетрудное и вам вполне посильное. А доставку в колхоз - это мы уж сами обеспечим. Вот такое дело. Понятно?

Строй отвечает восторженными воплями:

- Понятно! Ура! На остров! Хоч зараз!

Костя мучительно завидует стоящим на линейке.

Большелобый мальчик сердито хмурится и командует:

- Тихо!

- Значит, так, ребята, - говорит Елена Ивановна, когда строй затихает, - сбор завтра здесь к двенадцати. Совет отряда останется, мы распределим обязанности, кому что делать, и так далее. Вопросы есть?

- Елена Ивановна! - звенит голосок Нюры. - А можно нашему Косте с нами? Он же тоже

пионер, хотя и не нашего отряда.

Елена Ивановна оборачивается, узнает Костю, улыбается и кивает ему:

- Конечно, можно! Всем желающим можно.

Костя вспыхивает от удовольствия. Молодец Нюрка! И эта Елена Ивановна тоже, оказывается, ничего все-таки... Егорка, стоящий рядом, надувается и пыхтит.

- Ты чего? - нагибается к нему Костя, но тот выпучивает глаза и не отвечает.

Строй рассыпается, Миша и Тимофей подходят к Косте, через минуту подбегает и Нюра, которая успела о чем-то переговорить с Еленой Ивановной. Костя и Нюра идут к бабушке, потом домой.

Нюра попросила у Елены Ивановны разрешения в село не являться - все равно отряд должен прийти к домику бакенщика, который будет отправным пунктом.

Утром Нюра варит обед, а Костя свободен. Он бродит по луговине, ловит кузнечиков и стрекоз: самых лучших он отдаст в школу для коллекции, остальных подарит Лельке - она любит всяких букашек.

Издали Костя замечает, как на противоположном откосе Гремячего яра показывается маленькая фигурка, быстро сползает, скатывается вниз. Он долго ждет, пока фигурка покажется на этой стороне - кто может идти к ним в такую рань? - но никто не показывается. Тогда Костя бежит к яру и заглядывает с обрыва вниз.

Там, на дне, барахтается Егорка. Прорезанные водой подмывы ступеньками сбегают вниз. Они почти в Егоркин рост, и, для того чтобы взобраться на каждую такую ступеньку, Егорка сносит комья глины в кучку, становится на нее, ложится на ступеньку животом, забрасывает ногу и, взобравшись, снова собирает комья глины, чтобы преодолеть следующий барьер. Он уже взмок, весь перепачкался глиной, но упрямо лезет вверх.

- Егорка, ты куда? Давай я тебе помогу! - кричит Костя.

Егорка поднимает голову, пыхтя и отдуваясь смотрит на Костю, но долго не отвечает.

- Я сам! - произносит он наконец и опять принимается за работу.

Костя ложится на землю и, свесившись, наблюдает за ним.

Егорка устал, комья глины под ногами у него разъезжаются, крошатся, ему приходится отыскивать новые. В довершение всех бед сверкающая перламутровая пуговица его отрывается, катится на дно яра, и лишенные единственной опоры Егоркины штанишки ползут вниз.

- Эй, герой! Штаны потеряешь! - хохочет Костя.

Егорка не отвечает. Зажав в кулаке пояс штанов, он сползает вниз за пуговицей. Карманов у него нет, девать ее некуда, в руке она мешает. После некоторого раздумья он впихивает ее за щеку и снова карабкается наверх.

- Так ты до вечера не вылезешь. Погоди, - говорит Костя.

Он сбегает вниз и подсаживает Егорку со ступеньки на ступеньку.

Взобравшись наверх, Егорка вынимает из-за щеки пуговицу и независимо говорит:

- Кабы не пуговица, я бы сам... Подумаешь!

- Да куда ты идешь?

- Треба, - коротко отвечает он и направляется к домику бакенщика.

- Горка-Егорка! - всплескивает руками Нюра, увидев его. - Ты зачем? А извозился-то! Где ж твоя пуговица?

- Вот, - разжимает кулак Егорка, придерживая другой рукой сползающие штаны.

- А ну, снимай! - командует Нюра. - Иди мойся, а я пришью.

Егорка послушно раздевается - Нюре он доверяет больше, чем Косте, идет мыться, а Нюра вытряхивает из его одежки глиняную пыль, пришивает пуговицу.

- Это он с нами прилаживается. Ох и задаст ему Тимка, как увидит!.. Ты что, с нами хочешь? - спрашивает Нюра.

- Ага, - не оборачиваясь, отвечает Егорка.

- Тебя не возьмут, ты маленький.

- А я все одно поеду! - упрямо говорит Егорка и надувается.

- Ладно, не надувайся. Идем поедим, а то нам скоро ехать надо.

Егорка беспрекословно идет следом и ест все, что подставляет ему Нюра. Он внимательно и неторопливо оглядывает все вокруг и слушает, но в то же время в нем непрерывно идет напряженная мыслительная работа. Силясь додумать или понять что-либо занимающее его, он перестает есть, даже затаивает дыхание, словно боится спугнуть ускользающую мысль.

Если в такую минуту его спрашивают о чем-нибудь, он выпучивает глаза и, не понимая, переспрашивает;

- Кого?

Костя и Нюра смеются, им обоим Егорка нравится. Нравится он и Ефиму Кондратьевичу.

- Самостоятельный мужчина, - усмехаясь, говорит он.

Возле Гремячего яра трубит горн, рокочет барабан. Нюра и Костя бегут навстречу отряду.

Впереди отряда шагает большелобый мальчик. В вытянутых руках он держит флажок.

- Это наш председатель совета отряда, Митя Дымко. Умный - просто ужас! Он как начнет говорить, всех забивает! - сообщает Нюра Косте. Здравствуйте, Елена Ивановна! Нам можно в строй, Елена Ивановна?

Они пристраиваются в хвост колонны.

Возле дома колонну встречает Ефим Кондратьевич. Костя и Нюра рассказали ему о специальном задании, но он, оказывается, знал о нем еще раньше: накануне он был в селе, и председатель колхоза договорился с ним, чтобы он присмотрел за рубкой и обеспечил перевозку ребят и лозы.

- Здравствуйте, Ефим Кондратьевич! Вы можете нам переправиться? спрашивает Елена Ивановна.

- Мое почтение! Помогу, а как же. Вам одной на реке с этой командой трудно будет.

Строй рассыпается. Нюра подбегает к Тимофею:

- А к нам знаешь кто прибежал? Егорка ваш.

- Ну! - встревожено вскидывается Тимофей.

- Ага. Я, говорит, с вами поеду...

- Вот я ему "поеду"!

- Тато, а где Егорка?

- Да тут все время вертелся.

Тимофей, Нюра, а потом чуть не весь отряд начинают искать, но не находят - Егорка исчез.

- Что ж мы зря ищем, время теряем? - рассудительно говорит Митя Дымко. - Он, наверно, испугался, что ему попадет, и убежал.

- Ну да, испугаешь его, настырного!.. - недоверчиво тянет Тимофей.

Однако Егорки нет, и Елена Ивановна предлагает садиться в лодки. Их две. В меньшую на весла садятся старшие мальчики - с ними поедет Елена Ивановна. Большую должен вести Ефим Кондратьевич, и туда, ойкая и тараторя, забираются девочки. Одна из них проходит на нос, но только усаживается на широкую и длинную скамейку и опускает ноги вниз, на ворох стеблей привянувшего аира, как тут же с визгом вздергивает их и кричит:

- Ноги! Ноги!..

Никто ничего не понимает, но Тимофей догадывается сразу. Расталкивая девочек, он бежит на нос и из-под скамейки вытаскивает за ноги Егорку. Тот упирается, цепляется руками за весла, скамейку, но Тимофей молча и сердито отдирает его пальцы и тащит на берег.

Сначала все смеются, но лицо Егорки выражает такое отчаяние, он с такой мольбой переводит глаза с одного на другого и - видно по всему - так оглушительно сейчас заревет, что всем становится его жалко.

- А может, возьмем его, Елена Ивановна? - нерешительно спрашивает Нюра. - Мы за ним приглядим. Да, девочки?

- Да-да! Мы посмотрим за ним! - подхватывают девочки. - Возьмите его, Елена Ивановна!

Елена Ивановна вопросительно смотрит на Тимофея и Ефима Кондратьевича.

- Возьмите, что ж! - усмехается Ефим Кондратьевич. - Малец любопытный, интересно ему.

- Я вот всыплю ему сейчас "интереса" и домой отправлю! - сердито говорит Тимофей.

Губы Егорки растягиваются в назревающем плаче, он поворачивается к Елене Ивановне и из последних сил выдавливает:

- Сами говорили - "желающие"... А я - желающий...

- Вот что, желающий, - решается Елена Ивановна. - Иди садись со мной и на острове - от меня ни на шаг! Хорошо?

- Л-адно... - со всхлипом произносит Егорка и поспешно лезет в лодку.

Он сразу успокаивается и, вертя головой во все стороны, следит за тем, как пионеры усаживаются, как отчаливает лодка Ефима Кондратьевича, как гребет Костя. На брата, сидящего за вторым веслом рядом с Костей, он не смотрит.

Лодка удаляется от берега, кругом - только сверкающая под солнцем вода, и Егорке становится жутко. Он потихоньку сползает с банки и садится на дно лодки - там от воды подальше и не так страшно.

- Испугался? - спрашивает Елена Ивановна.

Егорка сопит, разглядывает, ощупывает решетку на дне и не отвечает. Потом, видя, что ничего не случается, все сидят спокойно, он вползает обратно на банку, но на всякий случай старается держаться как можно ближе к Елене Ивановне. Через Днепр он переправляется первый раз, и любопытство оказывается сильнее страха. А интересно вокруг все.

По реке плывут веточки, травинки. Откуда они плывут и куда? Вода вовсе не течет спокойно, а ходит кругами, будто закипает, и снизу поднимается что-то мутно-желтое.

- Это чего? - спрашивает Егорка.

- Песок, - отвечают ему.

Егорка надолго задумывается. Песок лежит на дне, а как же и зачем он поднимается вверх? Может, над ним смеются и обманывают? Но никто не смеется, рядом сидит Елена Ивановна, она большая, при ней врать побоятся. И все-таки: песок ведь не живой, и, если его бросить в воду, он всегда тонет, это Егорка знает твердо - сколько раз он сам швырял пригоршни песка в реку, и каждый раз тот сразу же шел ко дну.

Егорка так задумывается над этой неразрешимой загадкой, что затаивает дыхание и краснеет от натуги.

- Ты что? - спрашивает Костя.

Егорка не сразу понимает и выпучивает глаза:

- Кого?

Все смеются, но Егорка не обращает внимания. Он показывает на желтеющую песком суводь:

- А почему?

- Песок-то? Его течением со дна подхватывает и выносит вверх.

Егорка недоверчиво косится, потом поглядывает на Елену Ивановну - она молчит. Значит, правда. Теперь понятно, почему он, Егорка, тонет. Купается он в сельском ставке, где плавают гуси, а там никакого течения нет, и Егорку неудержимо тянет на дно. Оказывается, надо забраться туда, где глубоко и быстрое течение. Сначала он пойдет на дно, а потом его течение само вытащит вверх. А вдруг не вытащит? Все говорят, что он толстый и тяжелый. И потом, другие ребята - они же плавают и в ставке... Нет, тут что-то не так, наверно, его все-таки обманывают, И Егорка опять надолго задумывается.

- Гадюка! Гадюка плывет! - кричат девочки на большой лодке.

Все сразу поворачиваются в ту сторону, лодка накреняется.

- Сидите спокойно! - строго говорит Елена Ивановна.

Ребята садятся по-прежнему, но изо всех сил вытягивают шеи, вглядываются в воду. От большой лодки к ним, разрезая россыпь солнечных зайчиков, движется маленькая головка, от нее разбегаются, как усы, такие же маленькие волны.

- Эх, вы! - кричит зоркий Тимофей. - Это уж, а не гадюка!

Он вынимает из уключины весло и, когда уж подплывает близко, подцепляет его веслом и выхватывает на воздух. Сверкающая на солнце змейка судорожно изгибается, срывается с весла и ныряет под лодку. Ребята готовы продолжать охоту, но Елена Ивановна не разрешает, и, с сожалением поглядывая на уплывающего ужа, Костя и Тимофей опять берутся за весла.

Вот и остров. Все выскакивают, начинают дурачиться, бегать по раскаленному песку. Только один Митя Дымко остается серьезным.

Он торжественно выносит отрядный флажок, вонзает его древко в песок и кричит:

- Тихо, ребята!

- Не будем терять времени, - говорит Елена Ивановна, - работы много. Сделаем так, как договорились вчера: мальчики рубят, девочки подносят лозу сюда, к лодкам. Кто хорошо гребет, будет помогать Ефиму Кондратьевичу перевозить.

- Лесорубы, взять топоры - и ко мне! - командует Митя.

- Подносчики - ко мне! - звонко кричит белокурая девочка с большими, будто удивленными, глазами.

Костя уже знает, что это и есть Галя Здравствуй.

Девочки собираются вокруг Гали. Костя и другие ребята вытаскивают из лодки топоры и идут к Мите. Тимофей, Миша и молчаливый долговязый Борис остаются возле лодок - они будут перевозчиками.

- Только вот что, лесорубы, - предупреждает Ефим Кондратьевич. Подряд не рубите: изводить под корень кусты не к чему. И выбирайте лозу тонкую и подлиннее. И с топорами поаккуратнее, ноги себе не покалечьте.

- Есть не рубить подряд, выбирать тоньше и длинней! - отчеканивает Митя. - За мной!

Закинув топоры на плечи, как заправские лесорубы, ребята бегут к зарослям тальника, и над островом рассыпаются легкие, приглушенные удары топоров о сырую лозу. Следом за мальчиками идут девочки, подбирают срубленные прутья. Елена Ивановна показывает, как тонкой, гибкой лозой связывать прутья в пучки. Егорка не отстает от Елены Ивановны и тоже старательно собирает прутья, с завистью поглядывая на орудующих топорами мальчиков.

Костя ожесточенно врубается в заросли и следит за работающим неподалеку Митей - не обгоняет ли он. Митя рубит спокойно и неторопливо, но быстро движется вперед - гнаться за ним не так просто. Слева от Кости рыжий Сеня Журило. Он отрядный горнист, и за спиной у него болтается начищенный до ослепительного блеска горн.

- Мы как в джунглях, правда? - говорит Мите Костя. - И прорубаем дорогу сквозь заросли лиан.

- Это тальник-то - джунгли? - иронически переспрашивает Митя. Придумал тоже! Ты руби

давай, держи равнение!..

Симпатии Кости к Мите сразу гаснут. Никакой фантазии у человека! Может, он и умный, а сухарь... На Митю он больше не обращает внимания, ему не скучно и одному. Он вспоминает прочитанную перед отъездом книжку "Дерсу Узала" и воображает себя то отважным Арсеньевым, пробирающимся через девственные дебри Сихотэ-Алиня, то его проводником. Костя до сих пор так и не решил, кем лучше быть, - и тот и другой ему нравятся одинаково...

- Лодки уже нагрузились и отчалили! - кричит вернувшаяся с берега Нюра.

- Сеня, труби перерыв, - говорит Елена Ивановна.

Сеня снимает горн, прикладывает мундштук к губам, а раструб поднимает к небу.

"Тра-та-та-та..." - плывет над рекой звонкий голос меди.

Костя еще совсем не устал, он только раззадорился по-настоящему, но подчиняется этому призыву и идет, как и все, на полянку к Елене Ивановне. Ребята обсуждают и подсчитывают, сколько еще надо нарубить лозы, а Костя ложится на бок и наблюдает за Егоркой.

Тот, обойдя поляну, нашел под кустом какую-то норку, лег на живот и старается в нее заглянуть. В норе темно, Егорке ничего не видно, и он засовывает туда руку, потом начинает тыкать веткой.

Костя наблюдает за Егоркой и старается вспомнить, на кого он похож. Да что ж тут вспоминать? На Лельку, конечно! Они совсем разные и все-таки очень похожи. Вот так же и Лелька всегда пристает к Косте, пробует за ним увязаться, хочет делать то, что делает он, а Костя ее гонит и шпыняет. Она обижается, иногда даже плачет, но обида скоро проходит, и она опять липнет к нему. Конечно, ей, как и Егорке, интересно все, что делают старшие, и хочется делать то же самое, снисходительно думает Костя, она же маленькая. А он совсем не обращает на нее внимания, как Тимофей на Егорку. Свинство, конечно, если разобраться!..

Лелька далеко, а угрызения совести и благородный порыв не дают покоя сейчас. Костя поднимается:

- Елена Ивановна, можно, я Егорке остров покажу?

- Хорошо. Только смотри - к воде не подходить!

- Я же не маленький, понимаю... Егор, пошли со мной!

Егорка с готовностью вскакивает и бежит к Косте. Минуту вырубки, они идут в глубь острова. Идут медленно, потому что Егорка поминутно останавливается и сосредоточенно разглядывает то гусеницу, ползущую по ветке, то крапивницу, сложившую крылья, как парус, то неведомо откуда и как попавший на остров рваный опорок.

На небольшой полянке, освещенной солнцем, шевелится что-то зеленовато-бурое. Костя бросается вперед. Черепаха! Маленькая, но совсем настоящая, живая черепаха. Привезти в Киев живую черепаху - вот это да! Черепаха пытается убежать, но Костя хватает ее за панцирь; черепаха прячет голову, ноги и замирает. Рядом с Костей, пыхтя от волнения, уже сидит на корточках Егорка:

- Это кого ты?

- Черепаха! Живая! Вот я ее сейчас переверну на спину, и она никуда не убежит.

Костя переворачивает ее. Некоторое время черепаха лежит неподвижно, потом осторожно

высовывает голову, ноги и пытается зацепиться ими за землю.

- Но, не балуй! - щелкает ее Костя пальцем по панцирю, и та опять прячет конечности. - Скорей! Сюда! - кричит Костя.

С треском продираясь через кусты, сбегаются ребята, окружают Костину добычу. Девочки восхищаются и ужасаются, мальчики не склонны к восторгам они видали и покрупнее. Егорка сидит над черепахой в совершенном оцепенении, потом поднимает голову и решительно говорит:

- Неправда!

- Что неправда? - хохочут ребята.

- Мне Сашко сказал: "Я тебя изуродую, как бог черепаху". А она вовсе и не поуродованная. Обыкновенная. С руками, с ногами...

Произнеся эту длинную речь и не обращая внимания на хохот, он наклоняется над черепахой и опять цепенеет.

- Довольно, ребята! Пора за работу, - говорит Митя, - а то мы с этой черепахой возимся, а лодки вон уже возвращаются.

Сеня Журило опять рассыпает певучие рулады, опять мягко стучат топоры, и девочки бегают к берегу со связками тальника. Рубщики уходят все дальше в глубь зарослей, но Егорка не хочет уходить, и сдвинуть его удастся только Косте, который переносит черепаху на новое место. Улучив момент, когда перевернутая на спину черепаха высовывает конечности, Костя привязывает к ее ноге бечевку. Егорка крепко держит в руках бечевку и теперь уже не боится, что черепаха убежит.

Еще трижды трубит Сеня, трижды уходят и возвращаются лодки, и наконец Ефим Кондратьевич передает через Ньюру, что рубить довольно - на полторку хватит, пора возвращаться. Солнце давно перевалило к западу и часа через три сядет. Ребята усаживаются на берегу и следят, как высоко нагруженные пучками тальника лодки медленно идут в последний раз к берегу, потом плывут обратно. Говорить никому не хочется, все устали, только Митя коротко и четко сообщает, что поработали как будто неплохо, никто не лодырничал, не отлынивал и что хотя Костя и не из их отряда - работал он наравне с лучшими рубщиками. Костя уже бесповоротно решил, что Митя этот окончательный сухарь, тем не менее похвала ему приятна.

Рассаживаются в лодки, как и прежде. Костя и Тимофей гребут. Егорка возится с черепахой. Он боится, что она подохнет от голода, и пытается запихать ей в рот то пучок травы, то двух стрекоз, которым он поотрывал крылья, чтоб не улетели. Черепаха тычется по дну лодки в разные стороны, есть ничего не хочет, и Егорка расстраивается.

- Не бойся, - говорит Костя, - черепахи могут долго без пищи обходиться. Она, может, до самого Киева есть не будет.

Только приблизившись к берегу, все видят, какую огромную кучу тальника они нарубили. Там уже стоит полторка, Иван Кузьмич и шофер грузят связки в кузов.

Первым спрыгивает на берег, держа флажок, Митя и подает команду:

- Построиться!

Теперь уже Костя тоже становится в шеренгу между Тимофеем и Ньюрой, и ему никто ничего не говорит, только Митя удивленно поводит бровью, но и он, видно, понимает, что Костя

заслужил это право.

Иван Кузьмич идет к строю. Митя передает флажок правофланговому и рапортует:

- Товарищ бригадир! Отряд имени Саши Чекалина полностью выполнил специальное задание. Никаких происшествий и случаев не случилось. Рапорт сдан.

Иван Кузьмич не знает, как полагается отвечать по форме, и говорит просто и сердечно:

- Спасибо, ребята! Поработали вы на славу. Большое вам от колхоза спасибо!

- Всегда готовы! - гремит дружный ответ.

- Давайте поможем и нагрузить? - предлагает Елена Ивановна.

- Даешь! - кричат все и, словно штурмуя, бросаются к вороху тальника.

Иван Кузьмич и шофер еле успевают укладывать сыплющиеся со всех сторон связки. Через несколько минут тальник высокой горой возвышается над кузовом, шофер обвязывает его веревкой, чтобы не рассыпался.

- Ребята небось притомились? - говорит Елене Ивановне Иван Кузьмич. Погодите, мы второй ходкой заберем вас.

- Зачем зря машину гонять, бензин жечь? - рассудительно возражает Митя. - И вы же в объезд поедете, а мы напрямик, через яр, раньше вас дома будем.

- Вот только малыша заберите с собой, - говорит Елена Ивановна.

- Этого? А, Егор Тимофеевич! - улыбается Иван Кузьмич. - Хочешь прокатиться? Вагон люкс, первого класса, мягкий, со свежим ветром.

Он подхватывает Егорку и перебрасывает шоферу, который все еще стоит наверху тальниковой горы.

Лицо Егорки расплывается в блаженной улыбке, но сейчас же растерянно вытягивается: черепаха осталась внизу!

Костя поднимает черепаху. Это его находка, и он собирался везти ее домой, ему очень жалко с ней расставаться. Но колеблется он не больше секунды и забрасывает черепаху наверх:

- Держи свой зверинец!

Егорка хватает бечевку обеими руками и опять расплывается в улыбке.

- Стройтесь, ребята! - говорит Елена Ивановна. - Пора домой.

Опять гремит Сенина труба, рокочет барабан, отряд шагает через луг к яру. Иван Кузьмич взбирается наверх, к Егорке, шофер заводит мотор.

- До свиданья, Горка-Егорка! - кричит Нюра и машет ему рукой.

Машина удаляется. Покачиваясь на мягкой тальниковой горе, сидит Егорка, держит обеими руками черепаху, и лицо его выражает полнейшее счастье.

ДЕРЖИСЬ, КОНСТАНТИН!

Зной становится все сильнее. Каждое утро на небе появляются сверкающие, как снег, клубы

облаков. Словно боясь обжечься и растаять, они стороной обходят солнце и все-таки тают задолго до вечера. Ефим Кондратьевич покачивает головой и говорит, что так, без дождя, пропадут все огороды. Тимофей тревожится о своих саженцах, а Костя чувствует себя как нельзя лучше. Вот если бы только по ночам не было так душно. Просыпаясь ночью от духоты, он замечает, как где-то далеко вспыхивают немотные зарницы, и загадывает на завтра дождь, но на следующий день повторяется то же самое. Смола течет с лодок горячими черными слезами, скручиваются в трубки и шуршат, как бумажные, листья тальника.

В воскресенье Нюра, приготовив обед, уходит к бабушке. Ребята почему-то не приходят, и Костя остается один.

День выдается на редкость жаркий и душный.

- Как бы дождя не натянуло - больно уж парко, - говорит за обедом Ефим Кондратьевич.

- Нет, разгонит. Вот увидите! - уверенно возражает Костя.

- Побачимо... Раз хозяйка наша не пришла, придется тебе посуду вымыть.

Костя долго мучается с тряпчочкой и мочалкой, которыми Нюра моет посуду, но тарелки почему-то так и остаются жирными и липкими. Тогда он складывает горкой кастрюли и тарелки, несет к берегу и принимается тереть песком. Работа оказывается долгой и канительной. Когда Костя все же справляется с нею, пухнувшие на глазах облака закрывают солнце. Оно прорывается в одно, другое окошечко, но облака скоро смыкаются. С запада, от горизонта, ползет угрюмая туча. Словно убегая от нее, впереди несется тонкая гряда белых облачков, но туча медленно и неотвратимо движется следом, клубясь и погромыхивая.

Река стекленеет и, как кажется Косте, останавливается. Замирают беспокойные веточки плакучей ивы, шуршащие листья тальника. Туча приносит не прохладу, а еще большую духоту. Где-то над мохнатой сизой толщей, окутавшей небо, негромко и дробно гремит.

- Я, пожалуй, поеду. Стемнеет рано, - говорит Ефим Кондратьевич. Оставайся тут на хозяйстве.

Он уплывает, а Костя убирает посуду, ложится на спину и наблюдает за тучами. Они затягивают все небо, громоздятся друг на друга. Смеркается, потом темнеет. Ефим Кондратьевич не возвращается, Нюра тоже. Должно быть, напугавшись туч, бабушка оставила ее ночевать. Открыв двери и окна, чтобы хоть немножко освежить комнату сквозняком, Костя ложится спать.

Будит его звон и грохот. Костя испуганно вскакивает и оторопело смотрит в темноту. Через комнату с воем и свистом несется ветер, хлопает створкой окна, со звоном вылетает стекло, дверь грохает об стену и снова отлетает. С трудом преодолевая воющий напор воздуха, Костя закрывает дверь, подбегает к окну. Под ногами хрустит битое стекло, черепки, что-то впивается ему в пятку. Он захлопывает раму, затыкает одеялом выбитую створку и, найдя спички, трясушимися руками зажигает лампу.

В комнате разгром. Скатерть вместе с ужином для Ефима Кондратьевича сметена со стола, макароны рассыпались по всей комнате, котлета плавает в молочной луже. Вешалка у самой двери висит на одном гвозде, одежда с нее растрепанной кучей свалилась на пол. А под окном лежит груда битых черепков, стекла, земли и мятой, изломанной зелени - остатки Нюриных цветов, стоявших на подоконнике. Ефима Кондратьевича нет. В трубе зло и пронзительно воеет ветер.

Костя приоткрывает дверь, она идет туго, потом распахивается, а когда он прикрывает ее за собой, сильно поддает Косте в спину, выталкивая его во двор. Упругая стена ветра

прижимает Костю к дому, он с трудом отрывается и идет в черную воющую пустоту, к реке, где что-то зло бьет и хлещет. Над самой головой непрерывно перекатываются железные бочки. Слепящее огненное дерево, перевернутое кроной вниз, распарывает темень, и все становится бело-голубым, как экран, когда рвется кинолента. Побелевший тальник прижат к земле, ивы размахивают своими руками-плетями, черная взмыленная вода бросается на берег, яростно вскипает и бросается снова.

Небо над головой у Кости взрывается и рушится с таким грохотом, что Костя прыгает с обрыва и прижимается к откосу. Грозы он не боится. Но одно дело - в городе, где есть каменные стены, на крыше дома громоотвод, а в комнате спокойно и уютно горит электричество, другое - здесь, глухой ночью, на пустынном берегу, где никого и ничего нет, кроме стылого ветра, беснующейся черной воды и грохота, от которого вот-вот лопнут барабанные перепонки.

Хуже всего, что никого нет. Ефим Кондратьевич где-то запропастился, кроме него никто появиться здесь не может, и Костя вдруг чувствует себя очень маленьким, бессильным и одиноким на огромном пустом берегу. Ему хочется куда-нибудь убежать, спрятаться, укрыться с головой, чтобы ничего не видеть и не слышать. Но сейчас же Косте становится стыдно. Он, Костя Голованов, трусил! А может, с дядей Ефимом что случилось и ему надо помочь?

Заслонив лицо от ветра согнутой рукой, пригнувшись, Костя пробирается к запасным бакенам и вехам. Дяди там нет. Несколько вех свалено ветром на землю. Костя идет по берегу вверх, потом вниз - ни дяди, ни его лодки не видно. Костя снова спускается к воде, кричит, но звонкий голос его глохнет у самого рта, как в вате.

Ветвистые огненные деревья падают со всех сторон, и вслед за каждой вспышкой наверху начинается обвал, будто черные громады туч окаменели и непрерывно рушатся на притихшую в испуге землю.

При вспышке молнии Костя видит, как что-то черное, длинное и толстое стремительно несется к берегу и бросается на него, взгребая толстым рылом кучу мокрого песка. Костя в ужасе отпрыгивает в сторону. Ему хорошо известно, что никаких чудовищ в Днепре нет, но кто его знает?.. Сейчас вся школьная наука выскочила у него из головы, и он, замирая, ждет, когда откроется пасть этого страшилища. Пасть не открывается, чудовище лежит, зарывшись башкой в песок, и только хвост его подпрыгивает и бьет по воде. Потом хвост поворачивается вправо, чудовище сползает с песка, отплывает, и при новой вспышке молний Костя с восторгом и облегчением видит, что это обыкновенное бревно,

Костя жмурится и встряхивает головой - так ему стыдно своего испуга и сразу успокаивается. Гроза как гроза. Ну, молнии, гром, ветер... Есть чего бояться!

Он возвращается в домик и деловито принимается за уборку. Развешивает упавшую одежду. Расстилает скатерть. Сметает макароны в кучку к порогу, сваливает в ведро битое стекло и черепки цветочных горшков. Молнии по-прежнему полосуют гремящее небо, ветер пронзительно свищет и воет, но Костя уже не боится.

Окончив уборку, он садится на свою кровать и ждет Ефима Кондратьевича, поглядывая на ходики. Порывом ветра маятник накинуло на цепочку, часы остановились, и неизвестно, сколько времени прошло с тех пор. А Ефим Кондратьевич все не возвращается. И что можно делать сейчас на реке? В голову приходят такие предположения, что Косте опять становится не по себе, и он старается об этом не думать, но чем больше старается, тем больше думает.

Сначала редко, потом все чаще начинает барабанить по крыше, и громкий шум дождя наполняет комнату. Капли бьют по стеклу, дробятся и быстро-быстро текут вниз. Костя смотрит на них и жалеет о том, что сейчас ночь. Был бы день, можно бы сбегать к Гремячему

яру и послушать, гремит ли он, или это просто так, одни разговоры...

Дверь открывается, дождь хлещет через порог, и в косых потоках его появляется Ефим Кондратьевич. Прикрыв дверь, он проходит к столу. С торчащего коробом плаща льется вода, но Ефим Кондратьевич почему-то не снимает его, а так и садится на табуретку и осторожно кладет руки на стол.

- Не спишь? - спрашивает он.

- Ага, - кивает Костя.

Он с готовностью слезает с кровати, чтобы рассказать, как он проснулся, как ветер разбил стекло и горшки, и вдруг осекается, испуганно уставившись на дядины руки. Левая кисть его кажется огромной по сравнению с правой. Распухшая, в ссадинах, она пугающим багровым пятном лежит на скатерти. Лицо дяди бледно, дышит он прерывисто и трудно, будто долго бежал в гору.

- Бревном помяло, - говорит Ефим Кондратьевич, заметив испуганный взгляд Кости. - Наверху где-то плот разбило, что ли, - бревна по всему фарватеру, как бешеные жеребцы, скакали. Кажется, все уже пронесло... Перевязать бы.

Костя хватает полотенце.

- Смочи водой.

Мокрое полотенце толстым жгутом обматывается вокруг кисти. Чтобы повязка не сползла, Костя перевязывает ее бечевкой.

- Плохо, брат, дело, - говорит Ефим Кондратьевич, глядя на обмотанную руку.

- Ничего, заживет! - Костя старается говорить как можно увереннее и бодрее.

- Я не про руку, рука заживет... Бакен погас. На Каменной гряде, у Чертова зуба... То ли ветер, то ли бревна эти... Бакен на самом стрежне стоит - они небось в аккурат по нему молотили. Может, и совсем с места сорвали...

- Так надо... - начинает и не оканчивает Костя.

Конечно, надо зажечь, но как это сделать? В таких потемках баржу не найдешь, не только бакен. А если его и вовсе нет - что тогда? И как до него добраться? Дядя с одной рукой не гребец, а Костя... Он вспоминает клокочущую, взмыленную воду, яростно бьющие в берег волны, и внутри у него холодеет, будто он уже оказался среди этих волн.

- А если сбегать в село, позвать кого-нибудь?

Ефим Кондратьевич поворачивается к окошку, в которое хлещет то мутно-белый, то голубой при вспышках молнии поток.

- Нет, - говорит он, - теперь через яр не пройдешь. А в обход далеко, времени нет... - Он вынимает часы, смотрит на них и громко щелкает крышкой. - Через три часа должен скорый идти на Херсон.

- Так разве в такую погоду...

- То дело капитана - идти или нет. Он у меня не спрашивает. Мое дело, чтобы бакены горели... А он вот погас!.. - На щеках у Ефима Кондратьевича вздрагивают и злыми буграми застывают желваки.

Так сидят они, маленький и большой, смотрят на перехлест дождевых струй и думают об одном и том же. В бегучих, брызжущих потоках Косте видится огромный белый пароход, который осторожно, словно ощупью, идет по взлохмаченной реке. Пассажиры спокойно спят, а вся команда впивается глазами в беловатую мглу дождя, отыскивая бакен. Огня не видно, значит, его уже прошли, не заметив. Все облегченно вздыхают, вахтенный по медной трубе дает команду в машину увеличить ход. Пароход, покачиваясь, ускоряет бег, и вдруг с лязгом и громом все летит на палубу, в пробитое днище вламывается позеленевшая, осклизлая скала, хлещет вода, которую ни остановить, ни откачать. Гаснет свет, кричат сброшенные с коек пассажиры, и дальше начинается такое страшное, что Костя едва не вскакивает с места, чтобы куда-нибудь бежать, звать на помощь...

Но бежать некуда, крика никто не услышит. Чем больше Костя понимает это, тем страшнее ему становится, и он все чаще взглядывает на дядю. Ефим Кондратьевич, не отрываясь, смотрит в окно. Морщины на лбу и возле губ его становятся глубже и резче. Он приподнимается и осторожно снимает левую руку со стола.

- Придется тебе подсобить, Константин, - говорит он и испытующе смотрит на Костю.

- А как же... Конечно! - с готовностью вскакивает Костя.

Из чулана они приносят два красных фонаря, заправляют и зажигают их.

- Оденься потеплее.

- Да я не замерзну... - пробует возразить Костя, но, встретив суровый взгляд дяди, умолкает, надевает штаны и куртку.

Ефим Кондратьевич протягивает ему обшитый парусиной пробковый пояс, и Костя подвязывает его на груди. Пояс для него велик, пробковые бруски упираются Косте под мышки, и ему приходится держать руки растопыренными. Дядя берет моток толстой веревки с петлей на конце и веревку потоньше, Костя подхватывает фонари, и они идут сквозь секущий порывистый ливень к реке.

Лодка на треть залита водой, но ее все равно мотает и подбрасывает. Костя черпаком выплескивает воду за борт, дядя устанавливает и привязывает на носу фонари, укладывает под банки багор.

- Я поведу бечевой, а ты будешь править. Метра полтора от берега, лишь бы на берег не наезжала. Сумеешь?

- Конечно.

- А не боишься?

- Чего бояться?

Дядя обвязывает Костю тонкой веревкой, конец ее укрепляет у себя на поясе. Толстую он с помощью Кости привязывает к скобе на носу, петлю надевает через плечо.

- Ну, держись, Константин! - сурово и беспокойно говорит Ефим Кондратьевич.

- Ладно, чего там...

Ефим Кондратьевич отпускает нос лодки, и ее сейчас же утаскивает в шумную толчею волн и дождя. Вся Костина храбрость мгновенно улетучивается. Вцепившись в банку, он с ужасом смотрит, как исчезает дядя, берег и остается только мокрая, скользкая лодка, которую бьют и подбрасывают волны. Он понимает, что дядя близко, что нужно брать весло и грести, но не

может оторвать рук от банки, ему кажется, что его немедленно сдует, стряхнет с раскачивающейся кормы в холодную черную воду.

- Готово? - доносится из дождевой мглы.

Костя отрывает руки от банки и хватает весло:

- Готово!

Лодка дергается, виляет носом, и по тому, как начинают хлестать волны под задранный нос, Костя догадывается, что она пошла против течения.

Молнии полосуют гремящее небо, и сквозь дождь видна согнувшаяся фигура дяди. Он совсем близко, метрах в двадцати, и Костя окончательно приходит в себя. В случае чего, он в любой момент может повернуть лодку, и она уткнется в берег. И на поясе у дяди конец веревки, которой обвязан Костя. В конце концов, можно бы и без веревки, а то и спасательный пояс и веревка... Это уж просто перестраховка. Но, как только под порывами ветра лодку начинает мотать больше обычного, Костя, не выпуская весла, прижимает локоть к боку, чтобы ощутить опоясывающую его веревку. Так проходит немало времени. Костя не знает сколько, и ему некогда об этом думать. Оказывается, вести лодку на бечеве совсем не просто. Она уже дважды прибывалась к берегу, дядя подходил и молча отпихивал ее. Дождь становится тише, в струящейся пелене его уже можно смутно различить берег. Костя так старательно вглядывается в него и работает веслом, что совсем забывает о страхе, и страх исчезает.

Лодку резко разворачивает и подносит к берегу.

- Всё, вылезай! - говорит Ефим Кондратьевич.

- Да как же вы? Разве вы сами?.. - умоляет и протестует Костя, но дядя молчит, и он вылезает на берег.

Дядя отдает Косте свой дождевик, веревки, укладывает поближе к себе багор и берет весло:

- Отталкивай. И иди домой.

Разъезжаясь ногами в мокрой глине, Костя отпихивает лодку. Ему видно, как, уперев рукоятку кормового весла в локоть левой руки, дядя энергично загребает правой, лодка поворачивается, уходит в темноту, и скоро ни дяди, ни ее не видно, только тревожно пляшут в темноте красные огоньки привязанных фонарей.

Ветер пронизывает мокрую куртку, штаны облипли вокруг ног, Косте холодно, но он не уходит, следит за огоньками и загадывает: на месте бакен или нет? Дядя плывет туда, рассчитывая на течение, которое должно отнести лодку к Каменной гряде. А удастся ли дяде угодить на то место? Это ведь не днем, когда видны берега, другие бакены и можно ориентироваться. Сейчас там ничего не видно, кроме беснующейся, взмыленной воды.

Огоньки быстро удаляются, сливаются в один, потом и он исчезает. Костя вскакивает на взгорок - огонек появляется снова, колеблется, словно задуваемый ветром, и потом быстро начинает уходить вправо, по течению. Костя бежит по берегу, спотыкается, скользит на глине, падает, но, не чувствуя боли, сейчас же вскакивает и бежит дальше, боясь упустить подпрыгивающий на волнах огонек. Он приближается к берегу все больше и больше, неожиданно лодка оказывается совсем близко и пристает. Костя хватается за веревку на носу, придерживает, чтобы лодку не унесло.

Ефим Кондратьевич сидит на средней банке, опустив голову на руки; Косте даже сквозь шум волн слышно, как он тяжело и хрипло дышит. Отдышавшись, дядя встает и замечает Костю:

- Нету... Нет бакена или не нашел - черт его знает... Хорошо, что ты остался. Надо снова заводить лодку вверх...

Костя опять берет весло, садится на корму, дядя впрягается в бечеву, и они снова ведут лодку вдоль берега, к тому месту, откуда, по расчету Ефима Кондратьевича, течение должно сносить лодку на бакен Чертова зуба. Дождя нет, ветер немного стихает, только волны по-прежнему мотают и подбрасывают лодку, но Костя уже не боится. Ему просто некогда думать о черной, взлохмаченной воде, о глубине и опасности - он изо всех сил старается вести лодку так, чтобы дяде было легче и не приходилось останавливаться. По-прежнему грохочет гром, края неба опоясывают ветвистые огненные деревья, озаряя устало шагающего Ефима Кондратьевича.

Наконец Ефим Кондратьевич подтаскивает лодку к берегу и приседает на нос - отдышаться. Костя подбирается к нему вплотную и, не веря и не надеясь, отчаиваясь, начинает горячо убеждать:

- Дядя Ефим, возьмите меня!.. Вам же трудно... Разве можно с одной рукой?.. А я помогу... Ну, хоть немножечко, а помогу. Думаете, я боюсь? Я нисколечко не боюсь! Вам же надо и грести и смотреть... И мы найдем!.. А, дядя Ефим?.. Возьмите, а?

Ефим Кондратьевич ничего не отвечает и отрицательно покачивает головой. Костя принимается уговаривать еще горячее:

- Вы думаете, я буду бояться? Да я здесь один еще хуже боюсь! А с вами я не боюсь... И как же вы там с одной рукой? И опять не найдете, а скоро пароход... А, дядя? Я же теперь сильный, я же хорошо гребу!..

- А что нам твоя мать скажет?

Мама? Костя даже зажмуривается от этой мысли. Ну, если мама узнает!.. Это не Лельку за бант дернуть или сесть за стол с грязными руками...

- Так она же и знать не будет! - находит Костя выход.

- Ну нет, врать я не стану, - отвечает Ефим Кондратьевич. И после долгого раздумья говорит: - Ладно... Времени мало, а я с одной-то рукой опять могу промахнуться.

Костя садится на весла, Ефим Кондратьевич отталкивается кормовым веслом. Лодку подхватывает течение и судорожно мотает с борта на борт, с носа на корму.

Только теперь Костя начинает понимать, на что он вызвался. Это совсем не то, что грести в тихую, ясную погоду на спокойной реке. Весла дергает, бьет волной, они то загребают пустоту, то по самые вальки зарываются в воду, мокрые вальки скользят, бьются в руках, как живые, норовят стукнуть Костю в грудь, в колени, сбросить с банки и вырваться на свободу. Сцепив зубы, Костя борется с ними изо всех сил, но силы слабеют, он начинает задыхаться, а волны становятся крупнее, весла все упрямее рвутся из рук.

И откуда-то снизу по Косте идет ледяная волна неудержимого, отчаянного страха, от которого спирает дыхание и все тело немеет. Ничего они не найдут и не сделают! Волны сильнее, они вырвут весла, зальют, опрокинут лодку, разметают их, дядю и Костю, в разные стороны, потащат по беснующейся воде к Чертову зубу, с размаху швырнут о Каменную гряду и забьют, зальют в водовороте... Надо скорей, скорей, пока не поздно, выбраться из этой злобной водяной толчеи. Судорожно напрягаясь, Костя бьет по воде все чаще и торопливее.

- Спокойнее, Костя! Держись! - сквозь плеск и свист доносится голос Ефима Кондратьевича.

Костю охватывает злость и жгучий стыд. А как же настоящие моряки в бурю? Какой будет из

него моряк...

- Трус! Трус! - сквозь зубы шепчет он сам себе, и по щекам его вместе с дождевыми каплями текут злые слезы.

От этих слез оцепенение слабеет, и Костя начинает принаравливать взмахи к качке; весла не так суматошно и бестолково бьют по воде и уже не так рвутся из рук. Занятый собой, он не видит, куда и сколько они проплыли, и с опозданием замечает, что боковая качка прекращается, волны начинают бить в нос. Костя догадывается, что дядя повернул лодку против течения.

- Налегай! - подает голос Ефим Кондратьевич.

Он приподнялся на корме спиной к Косте и при свете редящих молний оглядывает угрюмую, лохматую реку. Костя изо всех сил налегает на весла, всей тяжестью повисая на них. Лишь бы только снесло куда надо, лишь бы только не проскочить мимо бакена! На второй заезд сил у Кости не хватит...

Ефим Кондратьевич вдруг оборачивается и зло, как кажется Косте, кричит:

- Гребите! Сильнее гребите!

Сам он изо всех сил буравит кормовым веслом воду с правого борта, лодка отваливает влево. Костя, приподнимаясь над банкой, почти падает с веслами то вперед, то назад, слышит, как кто-то в самые уши хрипло и надсадно дышит, и не догадывается, что так трудно, со свистом, дышит он сам. Дядя, бросив весло, подхватывает багор и забрасывает его влево, в воду.

- Бросай весла!

Костя поднимает весла, лодку валит волной набок и почти сразу же разворачивает носом по течению, но не сносит.

- Нашли? Нашли бакен? - задыхаясь, кричит Костя.

- Подай кошку! Держи багор! - командует Ефим Кондратьевич вместо ответа.

Костя хватается за рукоятку багра, Ефим Кондратьевич тоже придерживает ее, прижав левым локтем, а правой рукой бросает кошку. Падает она неудачно, он вытаскивает ее, бросает снова. Теперь она вцепляется во что-то. Ефим Кондратьевич отпускает багор, привязывает веревку кошки к скобе, потом привязывает и рукоятку багра. Отерев рукавом мокрое лицо, он оборачивается к Косте и вдруг здоровой рукой крепко прижимает его к себе:

- Спасибо, Константин! Молодцом!

От радости у Кости перехватывает дыхание, но он тут же вспоминает, как в паническом страхе молотил веслами по воде, и его снова захлестывает горячая волна смущения.

- Так я что же... Разве я... - стесненно бормочет он.

- Нет, нам за такое дело медаль полагается... Или, в крайнем разе, стопка водки! - смеется Ефим Кондратьевич.

Косте тоже становится весело и смешно. Нет, в самом деле: это же не шутка - в такую грозу, в потемках найти на ревущей, бушующей реке маленький деревянный треугольничек бакена и причалить к нему. Дядя и Костя радуются и смеются, не замечая ни снова начавшегося дождя, ни пронизывающего ветра. А он становится сильнее, подкашивает белесые полосы

дождя, насквозь прохватывает сидящих в лодке.

- Где же бакен? - вдруг изумленно спрашивает Костя.

- В том-то и штука! - говорит Ефим Кондратьевич. - Нету бакена, разбило его. Одна крестовина осталась. Как я ее увидал, и сам не знаю.

- А как же?.. Куда же теперь фонарь?

- Некуда. Придется нам самим вместо бакена... Ты небось замерз?

- Н-нет, - говорит Костя и только теперь чувствует, что ему действительно очень холодно.

Дядя распахивает свою куртку и прижимает Костю. Он, так же как и Костя, промок насквозь, но от его большого, сильного тела идет тепло, и мало-помалу Костя согревается.

Теперь, когда миновало вытеснившее страх ожесточенное напряжение борьбы с волнами, ветром, ожившими веслами, когда делать больше нечего, остается только сидеть и ждать, треплющие лодку волны опять кажутся жуткими, а порывы ветра - зловещими. Через борта переплескивают волны, льет дождь, поверх решетки в лодке гуляют маленькие волны. Костя вычерпывает воду и снова подсаживается поближе к дяде - рядом с ним ему спокойнее.

- Покурить бы, - говорит тот.

Однако курить нечего: спички промокли, табак превратился в скользкую, липкую кашицу. Ефим Кондратьевич сосет пустую трубку, а Костя старается сесть так, чтобы сделаться как можно меньше - сидеть мокрому под порывистым ветром совсем не так весело и приятно, как выбежать в жаркий день под слепой дождик.

Так сидят они и ждут час, другой. Дождь прекращается, понемногу стихает ветер, однако все так же беснуются волны и такая же глубокая темень стоит вокруг. Давно миновал час, когда должен был пройти пароход, парохода нет, но они сидят и ждут: Чертов зуб нельзя оставить без ограждения. И чем дольше они сидят, тем Косте становится яснее, что самое трудное - не переправа, не поиски бакена, а вот это неподвижное ожидание в холодной мокреде. Но как бы ни было трудно, ждать надо. Они сидят и ждут.

Костя на все лады представляет себе, как, гоня перед собой волну, рассыпая по реке свет и музыку, проплывет мимо белоснежный пароход, а они, дядя и Костя, укажут ему дорогу фонарями. Однако происходит совсем не так.

Сверху доносится продолжительный низкий рев. Из-за острова показывается высокий белый огонь, как глаз, сверлящий темноту, потом широко расставленные зеленый и красный огоньки, а между ними еле различимая серая громада. Она идет прямо на них. Костя судорожно вцепляется в банку, замирая ждет, когда эта громада с хрустом подомнет под себя лодку. Дядя поднимает красный фонарь и держит его в вытянутой руке.

На мгновение Костя слепнет. Ему кажется, что пароход выстрелил по ним - такой ослепительный столб света падает на воду и лодку. Прожектор гаснет, с минуту Костя не может ничего различить вокруг, а когда зрение возвращается, он видит только зеленый бортовой огонь и верхний белый. Серая громадина надвигается, но берет влево, оставляя лодку по правому борту. Через поручни мостика перевешивается человеческая фигура, и искаженный мегафоном голос спрашивает:

- Что, сорвало бакен?

- Плотовищем или корчей разбило! Ничего! Всё в порядке! - отвечает Ефим Кондратьевич.

Фигура выпрямляется, серая громадина, громко дыша машиной, проплывает мимо, и скоро только удаляющиеся огни да волны, подбрасывающие лодку, свидетельствуют, что пароход не привиделся, а действительно прошел мимо них.

Косте хотелось крикнуть, рассказать всем плывущим на пароходе о том, что сделали они, дядя Ефим и Костя, какие они герои. Он заранее представлял, как собьются у поручней испуганные, потрясенные пассажиры, как с ужасом будут смотреть на то место, где над Каменной грядой дыбится волна, и на Костю - с восторгом и благодарностью. Но пассажиры спокойно спят, ни о чем не подозревая, а вахтенный на мостике, может, даже и не заметил Костю.

Бледный, сумеречный рассвет приподнимает небо, раздвигает обзор. Вон уже еле-еле различимо виднеется берег, остров. Теперь можно оставить Каменную гряду: скоро станет совсем светло, и она не будет так опасна.

Ефим Кондратьевич гасит фонари, отцепляет багор, кошку, и лодку подхватывает течение.

Обратно Костя гребет уверенно и спокойно: при свете страшное не так страшно.

Дома Ефим Кондратьевич первым делом зажигает огонь, ставит чайник и достает четвертинку водки.

- Раздевайся! - командует он.

- Да я же ж... Мне уже не холодно. Я уже закаленный, - протестует Костя.

- Ну, раз закаленный, тогда тем больше не опасно. Раздевайся!

Костя раздевается. Ефим Кондратьевич наливает на руку водки и начинает растирать Костю. Рука у него шершавая, как наждак: Костина кожа сразу краснеет и начинает гореть, как ошпаренная.

- Будет! Да будет же, дядя Ефим, мне уже жарко! - спрашивает Костя.

Однако дядя продолжает натирать, потом кутает Костю в тулуп. Оставшуюся водку он выпивает и ставит на стол фыркающий чайник.

Они едят черный посоленный хлеб, пьют крепкий, до черноты, чай. И Косте кажется, что раньше он не ел и не пил ничего вкуснее. Кожа горит, по всему телу разливается тепло, лицо его начинает блестеть от пота. Он заново рассказывает о том, как началась гроза, как он испугался, и теперь ему почему-то не стыдно в этом признаться. Может быть, потому, что испуг испугом, а все-таки он сделал все, что было нужно...

Ефим Кондратьевич курит свою трубку, слушает Костю и одобрительно кивает. А потом, когда язык у Кости начинает заплетаться, а голова кланяться столу, он тихонько берет его в охапку, укладывает в постель и укрывает.

- Да я же совсем не хочу спать! Я даже и не засну... - еле двигая непослушным языком, протестует Костя и тут же мгновенно засыпает.

Ефим Кондратьевич гасит ненужную уже лампу, одевается и уходит.

МЫ ЕЩЕ УВИДИМСЯ

Костя спит долго и глухо, без сновидений. Ползущий по комнате солнечный луч подбирается к его лицу, Костя жмурится, морщится - и просыпается. В комнате прибрано, пол вымыт. За окном взапуски звенят кузнечики, кричат стрижи. Костя выходит из комнаты. На веревке

сушатся его штаны и куртка, на берегу что-то полощет Нюра. Костя идет к ней, с удивлением ощущая все свое тело. Оно налито тяжестью еще не прошедшего напряжения, пальцы стоят граблями, их трудно сгибать и разгибать. На ладонях вздулись волдыри, исцарапанная кожа саднит. Косте приятно ощущать и эту тяжесть в мускулах, и жжение в ладонях.

Берег прибран и умыт грозой. Еще зеленой кажется высокая луговая трава, пышнее ветлы и тальник, чище небо и голубее бегучая дорога реки. Никогда это не казалось таким радостным и красивым, никогда так хорошо и радостно еще не было Косте. Почему? Костя об этом не думает. Ему просто весело и хочется сделать так, чтобы стало еще веселее. Он разбегаются и со всего разгона ныряет в воду возле Нюры. Нюра отшатывается, едва не падает в воду.

- Ой, какой же ты исцарапанный! И синяки! Вот и вот, - сочувственно и восхищенно говорит она, когда Костя выходит на берег. Она уже знает обо всем от отца, но ей хочется узнать как можно подробнее, и она тормозит Костю: - Ну же, рассказывай! Ты с тато плавал на лодке? Да? Страшно было? Мне - очень! Так гремело, так гремело - прямо ужас! А молнии так в тебя и целят! Правда? Я хотела домой, только бабушка не пустила. А то бы я с вами тоже... Да и через яр не пройти. Даже утром трудно было пройти - так и крутит, так и крутит! Тато меня на закорках перенес.

- А где дядя Ефим?

- Бакен ставит. Он утром пришел в село. Мокрый, в глине весь: через яр шел... Потом председатель колхоза выделил двух человек, вот они и ставят теперь бакен... Ну, чего ж ты молчишь? Рассказывай!

Костя рассказывает, но в описании все получается не так страшно и трудно, как было на самом деле. Нюра восхищается и сама подсказывает, понукает его, но это только заставляет Костю рассказывать еще скупее и суше.

И что особенно рассказывать? Все сделал дядя, а он только помогал грести и вычерпывать воду. Ну, поехал в грозу, ну, было страшно. Вот и всё. Какое же тут геройство? Важно, что пароход благополучно миновал гряду и пошел дальше, в Каховку, где его мама и много-много всяких людей будут строить гидроузел. Разве можно им задерживаться? Это же громадная стройка!..

Попозже приходят Миша и Тимофей. Солнце жжет так же яростно, как и до грозы. Ребята перекатываются по раскаленному песку с живота на спину и со спины на живот. Миша и Тимофей пристают с расспросами. Рассказывать снова Косте не хочется, и он небрежно говорит:

- Ночью бакен на гряде сорвало. Я дяде помогал.

За него рассказывает Нюра, и рассказывает с таким восторгом и устрашающими подробностями, что Костя только жмурится и покачивает головой. Миша и Тимофей с уважением смотрят на его синяки. Костя небрежно насвистывает - он наслаждается славой.

Вскоре Тимофей и Миша уходят по своим делам. Ну что ж, у него тоже есть свое! Костя бежит навстречу Ефиму Кондратьевичу, причалившему к берегу.

- Проснулся, герой? - улыбается Ефим Кондратьевич.- Ну как, не кашляешь?

- Не... А у вас рука не болит? Что ж вы меня не взяли?

- В другой раз возьму. Мне хлопцы - спасибо им - помогли. А рука ничего, отходит понемножку...

Костя помогает дяде убрать весла, инструмент и так до самого вечера не отходит от него. А

вечером, когда дядя собирается в объезд, Костя, ни слова не говоря, отправляется с ним. Опухоль на руке у Ефима Кондратьевича уже спала, но грести ему еще трудно, и Костя усердно помогает.

Спит он крепко, но настороженно, и на рассвете, когда нужно снова ехать к бакенам, он вскакивает с постели, хотя дядя старается уйти как можно тише.

- Ты куда?

- С вами.

- Спи, спи давай! Тебе спать надо.

- Нет, я поеду! - упрямо говорит Костя и так умоляюще смотрит на дядю, что тот больше не возражает, и они едут вместе.

Это повторяется изо дня в день. Никаких происшествий больше не случается, но теперь Косте уже не кажется скучным зажигать и гасить огни на реке, быть сторожем реки. Вернее, он чувствует себя не сторожем, а хозяином.

Никогда и ничто не доставляло ему столько удовольствия и радости, как эти поездки к бакенам! Костя не понимает, почему это так, да, правду сказать, и не задумывается над этим. Лишь потом, позже, он поймет, что прежде он делал только для себя, теперь же - для других, а настоящую радость приносит человеку только такой труд, который нужен и полезен другим людям.

Телеграммы, даже если их ожидаешь, всегда почему-то приходят неожиданно. Вот так неожиданно приходит и телеграмма от мамы: она уже в Киеве, и Косте надо возвращаться. Костя радуется и огорчается: ему хочется повидать маму, верного Друга Федора, соседских ребят и даже Лельку, но совсем не хочется уезжать отсюда. Однако уезжать надо.

Вчетвером они обходят все заводы, протоки, купаются, пыряют до непрерывного звона в ушах, но говорят мало. Расставаться им жалко. Миша убеждает Костю приехать снова, побывать в Киеве и приехать.

- Ну разве он приедет? - тянет Тимофей. Его полное, всегда веселое и добродушное лицо теперь было расстроеным и огорченным.

- А знаете, ребята? Мы еще увидимся! - говорит Нюра. - Что, если мы сами приедем? А? Вот возьмем и приедем! Да?

- И правда! - подхватывает Костя. - Вот будет здорово! Я вам всё-всё покажу!

- Ну, так нас и пустят, - сомневается Тимофей.

Все понимают, что действительно это не так просто, и еще больше скучнеют.

На прощанье Тимофей приносит Косте мешочек яблок,

- Ранние, мичуринские, - внушительно говорит он. - Ты мне только косточки обратно пришли.

И Костя понимает, что более щедрого, самоотверженного подарка быть не может.

Нюра набивает Костину сумку пирожками, которые она испекла сама, а дядя дарит позументного "краба" на суконке, которого можно пришить к фуражке или просто повесить над столиком. Мише подарить нечего. Он очень огорчается этим, потом придумывает, как отметить отъезд Кости. Миша собирает ворох сухого тальника и, когда Ефим Кондратьевич

подсаживает Костю с лодки на пароход (это снова "Ашхабад"), зажигает костер. Дым высоким столбом поднимается к небу, словно вежа на его высоком голубом своде.

- Что ж ты приуныл, моряк? - говорит Косте старый знакомец, веселый помощник. - Видишь, как тебя провожают. Тут радоваться надо.

- Ага, - невнятно отвечает Костя и больше ничего сказать не может.

Вцепившись в поручни, он смотрит на уплывающий берег. В стороне от костра стоит высокая фигура Ефима Кондратьевича, рядом с ним мелькает маленькое рыжее пламя - волосы Нюры. Костя крепится изо всех сил, но ему это очень трудно. Он привык к ним и полюбил их. Частица Костиной души осталась здесь. И, как бы напоминая об этом и прощаясь, покачивается, кланяется красный бакен над Каменной грядой.

Однако грустит Костя недолго. Скрывается за излучиной домик Ефима Кондратьевича, тает в вышине дымок Мишиного костра, и вместе со свежим встречным ветром Костю охватывают новые чувства, набегают новые мысли.

Как там мама? Сколько она, должно быть, увидела и узнала о Каховке! Теперь Костя от нее не отстанет, пока не узнает все-все о гидроузле - о геологах, строителях, о городе... Может, если она снова поедет, возьмет с собой и его? Вот будет тогда что рассказать ребятам! Положим, ему и сейчас есть что рассказать. Пятый "Б" ахнет, когда увидит Костю - он совсем почти черный от загара, а брови стали белые-белые, будто льняные. А мускулы? На всякий случай Костя проверяет еще раз - сгибает руку и щупает твердый катышек бицепса. Мускулы - что надо! Жаль только, что до первого сентября еще далеко.

Прежде всего надо узнать про Досфлот. Может, Костю уже примут туда? Штурманом он станет еще не скоро, но надо же готовиться. А сколько до тех пор следует узнать и увидеть! Скорей бы уж начать все это, скорей бы Киев, школа и все-все, что предстоит ему впереди!..

Взволнованный предчувствием будущего, Костя начинает нетерпеливо топтаться на одном месте, потом бежит по верхней палубе к носу, словно это может ускорить осуществление его замыслов, приблизить Киев, школу, дом все, что ожидает там Костю.

Снова плывут мимо заросшие тенистые берега, жаркие золотые отмели, и бежит-бежит навстречу Косте сверкающая гладь, голубая дорога, которая теперь уже не кажется ему простой и легкой, но становится от этого еще прекраснее.